

ЕВГЕНИЙ КРИВЕНКО

ОКЛИКНИ МЕНЯ СРЕДИ ТЕНЕЙ

КНИГА 1

ИЗБРАННИКИ АРМАГЕДДОНА VI

18+

Евгений Кривенко

**Окликни меня
среди теней. Книга 1**

«Автор»

2026

Кривенко Е. В.

Окликни меня среди теней. Книга 1 / Е. В. Кривенко — «Автор»,
2026

Шестой и последний роман из цикла «Избранники Армагеддона», в силу большого объема разделен на две книги. Конец нашего времени и наступление нового эона человеческой и земной истории. За основу взята последовательность событий, описанных в «Откровении» Иоанна Богослова, но интерпретация авторская и не обязательно совпадает с теологической, впрочем их десятки. Это фантастический роман, и автора больше интересуют истории людей, которым выпало жить в конце истории. Герои новые – те, кому не повезло (а может, и повезло) родиться в последние времена, но по ходу действия появляются и старые – те, кто возвращается ко времени Армагеддона из иных миров.

© Кривенко Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Глава I. Снятие первой печати – Конь белый	7
Лон Метельский, от Алтая до Асгарда	7
Тина, маленькая рогна на тёмной дороге	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Евгений Кривенко

Окликни меня среди теней. Книга 1

ОТ АВТОРА

Последний роман цикла, повествование доведено до событий, в европейской традиции означенных как «Армагеддон». Несколько предварительных пояснений:

Первое – это фантастический роман, как и другие в цикле, а значит игра с персонажами и смыслами. Во многом продукт авторской фантазии, хотя выбранная тема задает определенные рамки. Скажем, за основу можно было взять буддистскую или иудейскую версию конца истории. Но даже христианская эсхатология мало известна самим христианам, а буддистская или иудейская вообще темный лес, да и зачем пытаться объять необъятное? Вся фантастика основана на «if» – «если», так и здесь: допустим, что в самом деле сбудутся предсказания «Апокалипсиса» Иоанна, как это может выглядеть с учетом достижений науки и техники за последние столетия? Может получиться увлекательное повествование, к этому и стремился автор. У него самого способность к прозрению будущего или в иные миры к сожалению отсутствует.

Второе – источники, на которых строится роман. Завершение земной истории описано в «Откровении» Иоанна Богослова, соответственно канва событий взята оттуда. Использовались и комментарии теологов. Но многое опущено, чтобы избежать усложнения текста, а кое-что добавлено, чтобы картина ближайших столетий выглядела достовернее. Здесь понадобились уже не библейские источники, а относящиеся к сфере научного и вне научного знания. Существует обширный раздел гносеологии, философского учения о познании, где эти формы изучаются. Например, интуиция, мистический опыт и др. Порой результаты такого опыта тоже относят к фантастике, но это не так – иногда это провидения в будущее или в сферы, которых современная наука еще не коснулась. Например в «Розе мира» Д.Андреева предсказан развал социалистического лагеря, угасание интереса к комическим полетам и др. Напомню, книга закончена 1958 году, когда будущее социализма казалось безоблачным, а по поводу космоса царил эйфория. Действительно, охлаждение к космонавтике сейчас очень заметно.

Третье – религия. Люди всегда чувствовали наличие высшей реальности и старались прикоснуться к ней. Слово «религия» происходит от «religare» – связывать. Религия связывает человека с высшим, может быть и атеистической, однако все религии формируют связи между людьми. Религиозные поиски никогда не прекращались. Упоминания о религии будущего основаны на идеях В.Соловьева, отца С.Булгакова и Д.Андреева. Естественно, никуда не денутся и нынешние религии. Также, к сожалению, не прекращалось развитие темных культов, они также отражены в романе.

Несколько дополнительных замечаний.

Один из героев романа возвращается из межзвездной экспедиции. В Солнечной системе остается немало загадок, но они представляю интерес скорее для ученых. А вот вне нашей звездной системы открыт ряд благоприятных для жизни планет, но они пока недостижимы. Тем не менее техническая возможность, и притом уже в ближайшие столетия, описана еще в книге В.Бурдакова и Ю.Данилова «Ракеты будущего» (М.Атомиздат», 1980). Реактивная тяга с использованием аннигиляции представляется реальнее каких-то «варп-звездолетов».

В этом романе, как и в предыдущих, немалую роль играют «рогны» – люди, в результате скачка эволюции получившие способность непосредственного управления энергиями. Эволюция человечества далеко не закончилась, создается даже впечатление, что ее порой подхлестывают. Впрочем, идея нередко обыгрывалась в фантастике.

Большинство героев романа новые, можно читать без знакомства с предыдущими частями цикла. Только в конце, накануне последней битвы, все персонажи сойдутся. Надо же обыграть сакральное число двенадцать.

«И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Все небо скроет гнусный грех.
На всех устах застынет смех.
Тоска небытия!..»
Александр Блок

Три города сыграли ключевую роль в истории цивилизации Запада.

Первый – Вавилон, где начала ткаться ее материальная основа, но духовность только зарождалась, в омраченных формах.

Второй – Иерусалим, где, учил Иисус Христос.

Третий – Рим, смесь духовности и коварства; горнило, где формировалась европейская цивилизация.

Четвертый стоит в завершении истории. Он будет построен в XXIII веке и великолепием превзойдет все земные города. Он будет назван Альфавилем, потому что первый и последний правитель мира объявит себя альфой и омегой человеческой истории. Но он будет узурпатором и обречен на гибель вместе со своей столицей и всей когда-то великой цивилизацией Запада.

Но пока...

Забота о природе отброшена, и город возведен в заповедных долинах Альп, в географическом центре Европы. Грандиозные здания соперничают по высоте с горными утесами, сады разбиты на границе вечных снегов и великолепием намного превосходят висячие сады Вавилона. Сквозь горные отроги пробиты широкие туннели, а над пропастями висят филигранные мосты. Население превышает тридцать миллионов человек, и это самый богатый город мира.

В центре – величественный, хотя и несколько сумрачный, дворец Верховного правителя. Архитектурная игривость не пристала Его обители. Да и тюрьма на другой стороне долины мрачна – параллелепипед из темного стекла. Жители города любят прогуляться вдоль стен и ткнуть пальцем в интерактивную панель, чтобы появилось объемное изображение камеры с каким-нибудь узником, личным врагом Правителя. Можно всласть поиздеваться над ним, но из камеры в ответ не будет слышно ни звука. Временами на большой арене устраивают публичные казни.

Остальные здания прихотливо украшены, особенно Дворцы наслаждений. Впрочем, и кроме них везде разбросаны изящные беседки для любителей прилюдного секса. Наслаждения и нега – вот смысл существования жителей города.

Город – настоящий рай на Земле, другие уступают ему, но все равно являются центрами развлечений. Фабрики упрятаны под землю, и трудятся на них андроиды и осужденные, хотя последних немного: зачем сомневаться в незыблемо установленном порядке и бунтовать, когда жизнь полна наслаждений?

До поры...

Глава I. Снятие первой печати – Конь белый

Лон Метельский, от Алтая до Асгарда

Первые такты «К Элизе» всплыли из глубины сна, и он стал просыпаться. Не спешил вставать, наслаждаясь музыкой, а за окном розовел туман.

«Доброе утро, Лон», – раздался голос «Сивиллы» у него в голове.

– Слышу, – пробормотал Метельский, и вспомнилось, как загадочно улыбалась мать, активируя ему трансид – как и всем, в возрасте семи лет.

«Соответствующий ему сектор – подарок тебе из далекого прошлого. Давность не имеет значения, все секторы Кводриона поддерживают себя в актуальном состоянии. Он немножко особый, и ты познакомишься с ним постепенно. Когда-то ему дали имя Сивилла¹ и эту музыкальную тему – "К Элизе" Бетховена. Конечно, ты можешь сменить их, но не спеши».

Музыкальных тем он сменил много, но в конце концов вернулся к этой: музыка нравилась, а такое необычное имя, как «Сивилла», еще поискать.

Встал и, не одеваясь, подошел к панорамному окну. Там стал на круг подъемника и спустился к бассейну. Прыгнул в воду – прохладная и хорошо бодрит! – и поплыл к прозрачной стене, отделявшей бассейн от озера.

Водная гладь как стеклянная, над ней скользят пряди тумана. От стены тянет прохладой, в самом озере вода всего +4 градуса. В Телецком озере не искупаешься, зато виды великолепные. Одно из семейных имений, выпросил его у матери в день совершеннолетия. Отец поморщился, но возражать не стал – большая часть обширных владений Варламовых осталась за матерью.

Метельский лег на спину и стал глядеть, как из тумана проявляются лесистые громады гор.

Когда вернулся к бортику, там ожидала девушка-андроид с полотенцем наготове. Метельский взял ее пока напрокат. Вытирая ему тело, она приостановилась на бедрах и лукаво поглядела вверх. Метельский провел ладонью по гладким темным волосам.

– Потом, Аэми, – сказал он. Утехи по утрам часто затягивались (Аэми была искусна в эротическом массаже), но сегодня ждали дела.

Девушка не обиделась, легко встала и принесла халат. Поднялись в столовую, где был сервирован столик. Завтрак легкий, в японском духе: рис и печеная рыба. Пока ел, поглядывал в проем холорамы, куда выводился вид скрытой за мыском деревни. Солнце уже ярко освещало неширокое тут озеро и раскиданные по другому берегу избы. Золотом горела маковка церкви.

«Ближе», – сказал Метельский про себя, и изображение выросло: возле церкви уже начал собираться народ. Метельский вздохнул: «Ну, малышка, что день грядущий мне готовит?»

Ответа не ждал: хотя трансиды класса «Сивилла» имели доступ к прогностическим функциям «Кводриона», функционал был сильно урезан. Однако сегодня она удивила: «Нечаянная радость. Большая беда. И запомни этот день, ты вернешься в него через шесть лет».

– Чего? – от неожиданности Метельский спросил вслух.

«Мы, Сивиллы, не толкуем предсказаний, – по обыкновению увильнула невидимая наперсница. – Только считываем, если они появятся»

¹ Сивилла – от «сибиллы» (др.-греч.) – в античной культуре пророчицы и прорицательницы, предрекавшие будущее. Трансид – биоэлектронный имплант, каждый имеет сектор в планетарном ИИ «Кводрион»

Задали ему загадку, но больше ничего не узнаешь. Метельский встал и направился в гардеробную. Оделся поэффектнее, пусть деревенские девки глазуют: темно-зеленые бриджи, жилет и черный редингот. Потом натянул высокие коричневые сапоги для верховой езды и, надевая кепи, подошел к зеркалу.

Выглядел, пожалуй, сносно. Мать как-то с улыбкой сказала: «Ты похож не на отца, а на прадеда, Толумана Варламова. Такие же пепельные волосы, лицо со скулами, да и нрав непоседливый, даже кровь польских аристократов тебя не угомонила. Только глаза не голубые, а серые».

Мать рассказывала об этом прадеде, да и в «Жизни замечательных людей» прочитал. Строил первую из Великих магистралей, возился с платиновым рудником. Сейчас таких масштабных дел не найдешь, все давно устроено и катится, как по рельсам. Да и зачем искать? Прадед заложил фундамент огромного состояния клана Варламовых – и за это спасибо, можно жить, не напрягаясь.

Он вышел во двор, где конюх Проша выгуливал белого жеребца. Привел его с конефермы: надо же где-то держать жеребца зимой, сам Метельский предпочитал проводить ее в более теплых краях. Он поздоровался с Прошей и скормил жеребцу кусочек сахара.

– Ваш глайдер пока у меня, – сказал Проша. – Я возвращаюсь в Кебезень, привести его?

Метельский прикинул: – Не стоит. Завтра подъеду на лошади, а потом съездим на охоту.

Ховером пользовался только для полетов в Барнаул, глайдер удобнее для вылазок на охоту или рыбалку. Натянул перчатки и вскочил в седло.

Миновал бывшую деревню и свернул к мосту через Бию, где она вытекала из Телецкого озера. Синяя вода с шумом катилась под мостом, по ней скакали, оставаясь на месте серебристые буруны. Поехал по единственной улице села Иогач, и у третьей избы жеребец сам остановился. Татьяна, в сарафане с красным орнаментом понизу, уже стояла у калитки, ее выбрали вместе с другой девушкой подносить гостям хлеб-соль. Приятное овальное лицо, темно-каштановые волосы, задорные карие глаза – прямо не наглядись. Хорошо бы «нечаянная радость» к ней относилась.

– Доброе утро, – сказал Метельский, спрыгнул с лошади и подошел.

– С утром господним, – отозвалась та, насмешливо улыбаясь.

Метельский не утерпел и провел рукой по ее волосам. Приятно шелковистые, так и льнут к ладони. Девушка фыркнула, хотя не отстранилась:

– Сейчас опять оплеуху дам.

– Что ты такая недотрога, Татьяна? – сказал Метельский, но руку убрал. – Я ведь на тебе и жениться готов.

И женился бы, а иначе к себе не подпустит, больно верующая.

– Знаем мы вас, – озорно улыбнулась девушка. – Только бы побаловаться в постели, а потом бросите. Да еще с дитём.

– Ну, что ты... – начал было Метельский, но Татьяна приоткрыла калитку и шмыгнула мимо.

– Побегу уж, а то опять руки распустите. – И побежала, мелькая пятками из-под расшитого подола.

Метельский вздохнул: жениться и плодить детей (тут не признавали прививки от беременности) не очень вдохновляло. Но и тянет к Татьяне порой нестерпимо. Да и она от него не очень бегаёт, с интересом слушает про московскую жизнь. Только все равно за него не отдадут, почитают за нехристя. Вот и пришлось завести Аэми...

Он не спеша проехал по улице, и у церкви спешил, чтобы поздороваться со старостой. Татьяна была уже здесь, со второй девушкой, тоже в расшитом сарафане. На Метельского не глянула, но другие девицы действительно смотрели во все глаза. Хлеб-соль уже приготовили.

– Сергеич, я пожалуй встречу гостей у околицы, – сказал он старосте.

Тот кивнул, как-никак земля под деревней была собственностью семьи Варламовых, хотя и отдана в вечное пользование поселенцам.

Метельский вернулся через мост, спрыгнул у беседки и присел на скамью. Хотя березки начали желтеть, было еще тепло. Мимо проскакал Проша, махнув рукой. Вскоре с той стороны выехал всадник, а потом еще двое. Когда приблизились, стало видно, что первая – женщина в темно-сером комбинезоне, светлые волосы выбиваются из-под кепи. Двое других мужчины в чем-то форменном, один с чемоданчиком у седла. Наверное обещанные гости – видно, тоже решили совершить конную прогулку.

Метельский вышел на дорогу:

– Здравствуйте, господа проезжие. Откуда и куда будете?

Женщина глянула на него, потом на жеребца. Лицо довольно приятное, чуть припухлое, но глаза холодно-голубые. На поясе ножны, как будто с кинжалом.

– А ты что, задержать нас собрался?

Голос надменный, и вдобавок с акцентом... а ведь похоже, немецким – жил как-то у отца в Зелена-Гура на границе немецких земель. Пожалуй, тогда и начался разлад с ним. И что немка делает на Алтае?

Он пожал плечами: – Что вы, пани. Задерживать такую красивую женщину? Выехал встретить гостей и проводить к старосте.

Женщина усмехнулась: – Что ж, неплохие манеры для этой глуши. Впрочем, вы наверное здешний помещик?

Сразу сменила тон. Ловко спрыгнула с лошади и, сняв перчатку, подала руку.

– Хельга. Администрация Алтайской автономии должна была предупредить. С нами еще медики из Томского университета.

Метельский снял кепи и слегка поклонился:

– Метельский, Лон. Только какой я помещик? Просто земля в собственности, но с вечным обременением. А о вас предупредили.

Рукопожатие Хельги оказалось крепким, она чуть прищурилась: – Поляк?

– Отец поляк, а мать русская.

Объяснять это надоело, но Хельга больше интереса не проявила. Спутники так и вовсе остались на лошадях.

– Ну, ведите нас к старосте.

Опять сели на лошадей. «Лон, – неожиданно сказала "Сивилла". – Эта женщина из легиона. Она тебя сразу просканировала».

Из легиона? Это же закрытая информация. Да, «Сивилла» порой удивляет, но вида, что это узнал, подавать не стоит.

Снова проехали через мост, а потом дальше по улице. Хельга с любопытством разглядывала бревенчатые избы и палисадники.

– Надо же, видела такие только на фотографиях. Не скучно тут?

– А я живу в основном летом. Здесь привольно, рыбалка и охота. Конечно, для местных жителей и по лицензии.

Хельга опять прищурилась: – И еще целый гарем из местных девушек? От девиц, наверное, отбоя нет.

– Нет, – вздохнул Метельский. – Раньше тут было вольное селение, а теперь большинство принадлежит к Церкви святых последних дней. Девушки готовятся встретить Христа как непорочные невесты, замуж выходят только за своих. Одну пытался приглубить, так получил оплеуху.

Хельга резковато рассмеялась.

– Тут и христианская церковь есть? Ну, встретят второе пришествие старыми девами.

Она искоса глянула на Метельского, дальше ехали молча. У церкви спешились, и началась церемония угощения хлебом-солью. Татьяна и ее спутница казались яркими цветами среди довольно серой толпы. Потом спутники Хельги отошли в сторону, Метельский тоже стал поодаль. Хельга повернулась к собравшимся: женщины в сарафанах и вышитых безрукавках, а мужчины в холщовых рубахах и портах.

– Уважаемые жители селения Иогач. Я с поручением от администрации Алтайской автономии. По законам Всемирной федерации, вы имеете право на свободу верований и частной жизни. Власти хотят с вами только посоветоваться. Как вы наверное знаете, IX Вселенский собор² признал нашего президента Мадоса главой единой церкви и верховным наставником. Мадос, с присущей ему скромностью, заявил, что не примет сана, пока с этим не согласится большинство населения. Поэтому проводится всемирный референдум с единственным вопросом, согласны ли вы с решением Вселенского собора? Мы знаем, что вы не признаете трансидов, и заседание собора в вашем селе не транслировалось. Однако в администрации края полагают, что жители даже самых удаленных поселений должны увидеть хотя бы последнее выступление Мадоса, и иметь возможность принять участие в референдуме. Подчеркиваю, что последнее – дело сугубо добровольное.

Толпа встретила речь угрюмым молчанием, а Хельга сделала знак своему спутнику с чемоданчиком. Мужчина выступил вперед и раскрыл его. Это оказалась портативная холорама на подставке. Воздух голубовато замерцал, и скромная деревенская площадь как бы открылась на панораму грандиозного храма в Альфавиле, административной столице Всемирной федерации. Мадос спускался по ступеням, а за ним следовала свита иерархов Единой церкви: папа Римский, патриархи православных церквей, несколько высших представителей ислама в черных одеждах, буддизма – в желтых, и церкви Трехликого – в фиолетовых. На последней ступени Мадос остановился и обвел взглядом толпу на площади. Метельский видел трансляцию церемонии, но от этого взгляда по спине снова пробежали мурашки.

Лицо смуглое и гордое, но одновременно участливое. Взгляд проникает в самую душу. Багряная мантия облекает фигуру, а еще гнетет невидимая, но тяжелая аура величия.

– Дорогие сограждане... – начал Мадос проникновенным голосом.

Метельский особо не внимал, уже наслушался. Интереснее была реакция жителей села, та была явно неодобрительной. У мужчин сжимались кулаки, женщины пугливо опускали глаза к земле. Ну да, они верят в Христа, а Мадос лишь вскользь упомянул его, и то чуть ли не как своего предтечу. Так что Мадос для них антихрист, и зачем администрация прислала сюда Хельгу с компанией?

После впечатляющего, с раскинутыми руками, призыва совместно строить Царство божие на земле, изображение погасло, а холорама трансформировалась в стандартный терминал. Хельга снова выступила вперед и призвала селян выразить свое отношение к избранию Мадоса верховным наставником.

– Также вы можете обратиться с пожеланиями и просьбами, – добавила она. – Мадос и его чудесная машина Кводрион выполняют большинство из них.

Никто в толпе не шелохнулся – народ здесь был упертый и властям не верил, – но Хельгу это не смутило. Подождав, она продолжила:

– Я говорила вам, что голосование добровольное. Однако у нашей делегации есть и другое важное дело. Жизнь на Земле оказалась под угрозой. Вы наверное знаете, что вернулся первый корабль из отправленных к звездам еще в начале XXII века. Члены его экипажа вступили в контакт с развитой цивилизацией. Они узнали много удивительного, но при этом столкнулись с неизвестными на Земле болезнями. Выжила лишь часть экипажа, они сейчас в карантине на

² Пока последним считается VII Вселенский собор 787 г. Предполагается, что на VIII Вселенском соборе будет принято решение о объединении всех христианских церквей

Луне. Рано или поздно, эти люди и персонал лунной базы вернутся на Землю. Не исключена опасность всемирной эпидемии. Поэтому сейчас разрабатывается комбинированная вакцина против заражения, и каждый житель Земли должен быть привит ею. Уклонение от прививки недопустимо.

В толпе начался шум. Хельга опять выждала и заговорила дальше:

– Вакцина уникальна для каждого человека, потому что должна быть совместима с его генетическим кодом. Всемирная федерация в состоянии изготовить такую вакцину для каждого жителя Земли. Ампулы с нею будут храниться в замороженном виде, пока не придет время эвакуации лунной базы. Однако для этого необходим образчик крови, и каждый должен сдать его. Это быстрая и безболезненная процедура. Сейчас здесь приземлится медицинский ховер, и врачи возьмут у всех пробы.

Теперь в толпе раздались возмущенные крики, но тут же смолкли. Из-за леса выплыл большой ховер и стал снижаться в стороне от жителей. Метельский моргнул, разрешение на полет в заповедной зоне могла дать только администрация Автономии. Когда ховер сел, из него появились андройды, быстро раскинули два шатра, а потом стали выносить раскладные столы и ящики с медицинским оборудованием. Еще вышло несколько человек в белых халатах, а с ними люди в такой же серой униформе, как у спутников Хельги – похоже, охранники.

Метельский подошел к Хельге:

– Вы не уговорите голосовать, они думают, что это антихрист их подсчитывает. И кровь сдавать тоже не будут.

Хельга повела плечами: – Ну, я особо не уговаривала. Будем действовать по инструкции. А они пусть пока обсуждают.

– Биологи с биосферной станции «Урсул» говорят, что вакцина – это какая-то уловка. Вирусам нужны тысячи лет эволюции, чтобы научиться паразитировать на живых организмах из другого мира.

– Мало ли что говорят, – неопределенно сказала Хельга.

Мужики собрались в кучу, откуда слышались возбужденные голоса, женщины помалкивали. Но вскоре из кучи выбрался староста.

– Не будем поганить руки об антихристову машинку! – заявил он. – И кровь брать не допустим. Всё в руке божьей, и не надо нам никакой вакцины. А вы, господа хорошие, лучше уезжайте. Кое-кто уже за вилами побежал.

Хельга пожала плечами: – Как хотите.

Дернула Метельского за рукав, и они отошли. Из толпы в самом деле выбежало двое парней, но тут же упали, подняв клубы пыли. Метельский оглянулся.

Охранники вытянулись цепочкой, со станнерами в руках. Под аккомпанемент женского визга, люди падали один за другим. Скоро на земле образовалась целая куча-мала, хотя несколько человек успели убежать, среди них и Татьяна. У Метельского взмокла спина, но тело все равно пробрал озноб.

– Как же так? – пробормотал он. – Я официально представляю местное население, почему мне не сказали?

Хельга поморщилась:

– Мне самой это не нравится. Но тут распоряжаюсь не я. Насколько знаю, губернатору автономии руки выкрутили, чтобы это разрешил. Нынешние станнеры абсолютно безвредны, и медики смогут спокойно взять образцы. На телах поставят невидимые молекулярные метки, чтобы в будущем не возникло проблем с идентификацией.

Метельский зябко передернул плечами: – Прямо как клейма антихриста, которых они боялись.

Хельга насмешливо улыbnулась: – Вы верите в эту ерунду?

– Нет. Но людей жалко. И к чему такая спешка, до возможной эпидемии еще уйма времени.

Хельга стала натягивать перчатки.

– Есть причина, – сказала она. – Но разгласить не могу.

Они смотрели, как андройды переносят столы и аппаратуру ближе к лежащим людям, как начинают работать медики.

– Эта канитель часа на три, – вздохнула Хельга. – Пока возьмут кровь, пока будут отходить от станнера. Кое-кто начнет блевать, так что зрелище будет неаппетитное. Медикам надо задержаться, проверить, все ли пришли в норму. А кто-то из мужиков снова побежит за вилами, так что опять придется глушить.

Похоже, не первый раз участвовала в такой процедуре.

На душе стало погано, будто кот нагадил. Метельский про себя сказал: «Сивилла, свяжись с администрацией автономии. Есть ли разрешение на использование станнеров против жителей села Иогач?»

Сивилла помолчала. «Есть, Лон. Тебе указано не вмешиваться».

Тьфу, черт! Метельский сделал шаг к своему жеребцу, но спохватился. Его похвалили за манеры, а он оставляет женщину наблюдать за этим... неаппетитным зрелищем. Хотя сама, похоже, порядочная стерва, однако явно не испытывает от него удовольствия. Да и с женщинами давно не общался.

– Они не обойдутся без вас? – спросил он. – А то поехали ко мне, переждем.

Хельга снова внимательно поглядела на него.

– Я тут больше не нужна. Скажу своим, чтобы приглядывали за ситуацией, и поехали. Хоть посмотрю на хижину миллиардера.

Метельский хмыкнул:

– Всего-то несколько сотен миллионов, слишком много родственников.

Хельга усмехнулась, недолго поговорила со своими спутниками, оба вскочили на лошадей и поехали. У избы Татьяны Метельский придержал жеребца: калитка закрыта, занавески в доме задернуты, наверное спряталась внутри. Забрать ее с собой? Но не хочется, чтобы увидела Аэми. На душе стало еще поганее: впервые попал в ситуацию, где не знает, что делать?..

Снова Бия, белоснежные буруны на синей воде, только веселее не стало. Ворота открыты, а лошадей пришлось привязывать самому. У дверей встретила Аэми в кимоно.

– Аэми, андроид, – низко поклонилась она.

Хельга фыркнула и бесцеремонно провела ладонью по ее щеке (спецзаказ, изысканно-шелковистая кожа). Когда Аэми ушла с ее курткой и рединготом Метельского, повернулась к нему.

– Теперь понятно, почему тебе не нужен гарем. Небось, дорогушая. Ты с ней спишь?

Метельский пожал плечами: – Зачем? Если нужна женщина, полчаса лёту до Барнаула, а там романтический ужин в ресторане или Дворец наслаждений. Есть и уютная квартирка для встреч. Аэми – андроид для общения и эротического массажа, для секса заказывают модель «Асэми». Взял пока напрокат, с доставкой на дом. И в самом деле, недешево.

Хельга опять фыркнула: – Вас, богатеньких, не поймешь. Ладно, где у тебя можно помыться? Давно не ездила на лошади, а тут выдалась возможность. Всего-то пятнадцать километров, но с непривычки вспотела.

Метельский улыбнулся. Что перешла на «ты», уже не возмушало, однако и ему тогда нечего церемониться.

– Можешь искупаться в бассейне. Он внизу.

Хельга долго смотрела на искусственный заливчик и панораму лесистых гор.

– Ну и ну! Отсюда можно выплыть прямо в озеро?

– Не стоит, там вода чуть выше нуля. От озера отделяет прозрачная стена.

– Хорошо живут миллиардеры. – Хельга начала сбрасывать одежду, буркнув: «Извини, купальник не взяла», и постояла нагишом на бортике. Белокурая, довольно красивое тело, выглядит соблазнительно.

Она кинулась в прозрачную воду, издала «Ух!», и встала на гальку. Вода плескалась вокруг небольших округлых грудей.

– А что же ты?

Похоже, и в самом деле ожидало приятное разнообразие. Метельский разделся, плавки надевать тоже не стал, и бултыхнулся в воду так. Поплавали, иногда сталкиваясь скользкими телами. У выхода в озеро Хельга случайно коснулась боком невидимой стены и вскрикнула: «Ого!»

Наконец вылезли. Аэми уже стояла наготове с полотенцами и купальными халатами. Вытерла обоих и подала Метельскому халат, в который он поспешил завернуться. Хельга оделась сама, и только глянула на Аэми, как та исчезла.

– У нее даже прикосновения эротические, – сказала Хельга, – сразу заводят.

Она легла на подстилку, распахнув халат, и лежала голая, часто дыша.

– А обычные женщины тебя не возбуждают?

Метельский замялся, а она бесцеремонно откинула полу его халата и хихикнула: – А вот и нет, очень даже возбуждают. То-то ты сразу оделся. Ну и нечего ему бездельничать, пускай потрудится.

Она привстала и опустилась на бедра Метельского, деловито направив его в себя. Он скользнул в ее тело, слегка застонав от наслаждения, а она стала подниматься и опускаться, пофыркивая при этом. Пусть и не с Татьяной, все равно хорошо. Но вскоре монотонность наскучила, и Метельский, ухватив Хельгу за пухлые ягодицы, стал то подталкивать ее вверх, то с силой насаживать на себя. Хорошо, что утром не дал воли Аэми: от сильнейшего оргазма тело выгнулось так, что Хельга взвизгнула и немного погода сползла на бок, вся дрожа.

– Оч-чень неплохо, – выговорила она. – Могу даже п-поверить, что с Аэми у тебя только массаж.

Придя в себя, она встала и, прихватив поясную сумочку, скрылась в душевом отделении. Вернулась с чем-то в руке.

– Термическая пробирка, – объяснила она. – Тебе и кровь сдавать не надо, ты оставил мне биологический материал в избытке.

– Что? – Метельский не сразу понял, а потом расхохотался. – Вот это способ сдавать анализы! Весьма приятный.

– Ты не возражаешь?

– С чего это? Раз уж мы занялись сексом, результат естественно достается тебе.

– Это хорошо, – удовлетворенно сказала Хельга, и снова распростерлась на бережку.

Метельский пожал плечами: – А зачем это? Кого-то надо оплодотворить?

– Сама не знаю. Просто приказали взять кровь на анализ у всех, живущих в этом районе. То ли для вакцины... а может, еще почему. Твой материал даже лучше, но с деревенскими мужиками возникли бы проблемы. – Хельга снова хихикнула. – И не обижайся, ты мне понравился. Редко удается совместить приятное с полезным. Не прочь и повторить.

Что немного погода и сделали. Вообще никуда не спешили, приятно проводя время у бассейна. Хельга только раз отвлеклась на телефонный разговор.

– Они улетели, – сообщила она. – Похоже, всё в норме. Селяне пожалуются, спишут всё на антихриста, и забудут. Ты потом не доставишь меня в Барнаул?

– Конечно, – кивнул Метельский. – Но я этого так не оставлю. Местные привыкли, что я защищаю их интересы, и теперь окажусь виноватым.

Хельга пожала плечами, сказала еще несколько слов, а потом удовлетворенно потянулась и опять положила ладонь на бедро Метельского...

В конце концов проголодались и пошли обедать. Аэми подавала блюда, скромно потупив глаза. Когда отошла, Хельга фыркнула: – Думаю, этой ночью тебе не понадобится эротический массаж.

На улице смерклось, вода в озере приобрела цвет вороненой стали. Метельский поглядывал на картинку деревни – что-то было не так. Попросил «Сивиллу» увеличить изображение, и наконец понял.

– Поехали, – сказал он, вставая. – Ты говорила, что всё в порядке, но деревня словно вымерла. И там что-то стоит, только из-за домов плохо видно.

Торопливо оделись. Метельского будто кто-то толкнул, и он забежал в оружейную за карабином. Сели на лошадей и двинулись. Вода в реке тоже сделалась темной и шипела вокруг валунов. Едва въехали в село, Метельский натянул поводья. Будто струйка ледяной воды протекла по спине. В палисаднике лежало человеческое тело, и этот не был оглушен из станнера. Рубашку окровавлена, а лицо искажено в муке.

– Что это? – хрипло сказала Хельга.

У Метельского застучали зубы. Он сорвал карабин со спины и передернул затвор. Собирались поохотиться на горных козлов (бараний мозг не поддавался гоминизации, и охота по лицензии разрешалась), так что патроны были с пулями. Осторожно тронул жеребца с места.

Третья изба!.. Теперь уже вся кровь в теле словно обратилась в ледяную воду Телецкого озера. За распахнутой калиткой (а ведь была закрыта, когда проезжали раньше!) лежало нечто белое с красным. Метельский прыгнул с жеребца и бросился к нему. Женское тело! Белое – это обнаженные бедра, испачканные кровью. На голову задран сарафан с красным орнаментом, но красный еще и от крови. Метельский схватил липкую ткань и сдернул сарафан с лица.

Татьяна! Рот широко открыт, и словно появился второй – горло рассечено. Края разреза будто кровавые губы, карие глаза остекленели от ужаса. Подступила тошнота, и Метельский поспешно отвернулся, чтобы не вырвало прямо на лицо девушки. Но позыв к рвоте удалось сдержать, а перед глазами продолжало покачиваться что-то красное. С трудом сфокусировал взгляд – это бордовые циннии.

Когда приехал весной, Татьяна переживала, что рано высадила рассаду – цветочки не росли и выглядели хилыми. Но постепенно вымахали в кусты с роскошными махровыми головками... А ведь не раз встречал здесь Татьяну. Вскоре убежала, но похоже, выглядывала его, когда ехал по мосту через Бию. Не была такой равнодушной, как хотела казаться.

Метельский скрипнул зубами и встал с колен. Татьяне уже не поможешь. Хотя... если срочно транспортировать в больницу? Не дури, переливания крови они тоже не признают. Да что здесь происходит, резня какая-то?

Хельга не слезла с лошади, глядя то на мертвую девушку, то на него.

– Что с тобой, на тебе лица нет? Кто это?

– Та девушка, что дала мне оплеуху, – сквозь зубы сказал Метельский.

Хельга как будто хотела что-то сказать, но еще раз глянула на него и закрыла рот.

Метельский взлетел в седло: надо в центр селения – то что он видел, походило на ховер.

– Давай вернемся, – сказала Хельга. – Здесь происходит что-то непонятное.

– Нет, – отрезал Метельский. Он вынул из чехла карабин и положил на луку седла. Тронул жеребца и поехал по улице, оглядывая дома. То и дело открытые калитки, что необычно – замков здесь не бывало, однако калитки запирали на щеколду, чтобы скотина не потравила огородов. Да, что-то случилось. Не переставая бил озноб, и это был озноб бешенства.

Вот и центральная площадь перед церковью. Сбоку от нее большой ховер, только это не тот, на котором прибыла команда Хельги. В круге на борту – косой крест, эмблема легиона. Вокруг суетятся несколько человек, вносят что-то на носилках...

Стиснув зубы, Метельский поехал к хOVERу, держа карабин наготове. Неужели Татьяну убили люди из легиона? Вдруг из-за машины вывернулся человек, поднимая руку. Станнер, или что-то подобное! Ну, получай!..

Метельский выстрелил прямо с луки седла. Проша был заядлым охотником и часто учил Метельского, посмеиваясь над неловкостью городского жителя. Выстрел прозвучал как щелчок – карабин был с глушителем, чтобы не распугать дичь, – но человек согнулся пополам и упал. Люди у хOVERа уронили носилки и обернулись. Метельский облизнул пересохшие губы, впервые стрелял в человека.

– Не стреляй, Лон! – незнакомым голосом сказала Хельга. Она высоко подняла руку с каким-то значком, а губы беззвучно зашевелились.

Метельский продолжал медленно ехать. У другого дома оказалось еще два окровавленных тела, и стало видно, что на носилках лежит еще одно.

ЧТО ПРОИСХОДИТ?!

Из хOVERа вышел человек, на пару секунд склонился над лежащим и пошел навстречу, приподняв руки.

– Не стреляй! – повторила Хельга. – Это легион.

Уже понял, да хоть черт лысый! Метельский не опускал ствола, хотя могут запросто достать из станнера. В деревне к нему относились благожелательно, подсмеиваясь над безуспешными ухаживаниями за Татьяной, и большинство селян он знал. А тут окровавленные трупы: как могло случиться такое?

Человек подошел вплотную – такой же темно-серый комбинезон, как у Хельги. Злые белесые глаза, а лицо слегка перекошено: кривой шрам тянется со щеки на подбородок.

– Сувор? – удивленно сказала Хельга.

– Откуда ты взялась? – жестко спросил он. – И как посмели открыть огонь? Здесь проходит спецоперация легиона.

– Почему меня не предупредили? – сухо парировала Хельга.

Ясно, что из той же компании, правильно Сивилла предупредила.

– Ты должна была уже уехать. Происходящее вне рамок твоей компетенции. Кто этот человек, местный житель?

Хельга быстро глянула на Метельского: – Местный землевладелец. Задержан мною для доставки в штаб.

Что за хрень? Но не вмешивайся – похоже, Хельга повела какую-то свою игру.

– И ты позволила ему сохранить оружие? Ранен человек из моей команды.

– Я только сейчас увидела эмблему легиона. Повторяю, меня не предупредили. Но теперь понятно.

Она протянула руку к Метельскому: – Сдайте оружие!

Он что, действительно арестован? Но губы Хельги побелели и дрожат, игра явно рискованная.

Метельский не спеша снял карабин с луки и подал Хельге. Та ловко перекинула его за спину – видать, не только любовными позами владеет. Он мельком заглянул в открытую дверь хOVERа: виднеются босые ступни, и еще какие-то прозрачные цилиндры с темной жидкостью. Кровь?..

– Отвернитесь! – резко приказал офицер. – Иначе буду стрелять.

Метельский пожал плечами и отвернулся. А то еще стошнит.

– Мы возвращаемся в штаб, – тускло сказала Хельга. – Сдам арестованного и запрошу объяснений.

– Это тебе придется давать объяснения, – скривил губы человек со шрамом. – Езжайте. Но только до Кебезени, штаб передислоцируется туда.

Из хове́ра вышел еще один человек. Одежда странная: длинный черный балахон, перепоясанный ремнем с массивной пряжкой, на груди какая-то монограмма. Лицо властное, на лбу три горизонтальных морщины. Не сказав ни слова, стал разглядывать Метельского.

Хельга было дернулась, но осталась на месте.

– Поехали! – хмуро приказала она. – Гражданин Метельский, вперед. При попытке к бегству применю оружие.

Похоже, не только пробирка припасена в комбинезоне.

Снова лес, сумрачная река, только теперь повернули налево. За полосой березняка глухо шумели пороги на Бие. Весь мир вокруг словно потускнел.

– Подожди, – сказала Хельга.

Метельский придержал коня, и Хельга поравнялась с ним.

– Вот влипли! – сказала она. – Стали свидетелями секретной операции легиона, таких обычно сразу убирают. Да еще черт дернул тебя стрелять. Нам повезло, офицер... – она запнулась, – мой хороший знакомый.

– А... – протянул Метельский.

Хельга покосилась: – Похоже, ты не очень удивлен. С чего бы это? Но надо думать, как быть дальше? Даже если я тебя сдам, меня все равно могут убрать. У меня нет допуска, а это явно операция класса «А».

Выходит, и его тоже могут «убрать». Снова холодные мурашки поползли по спине. А еще недавно было так хорошо.

– Что за операция? – спросил он. – Есть идея?

– Нас особо не информировали, но кое-что я слышала. У некоторых людей в этом районе необычная кровь, она дает доступ к каким-то особым возможностям. Наша задача была обнаружить этих людей, ну а потом... не наше дело. Похоже, провели экспресс анализ, и несколько таких действительно выявили. Сейчас у них откачивают кровь, а остальных... устранили. Нельзя оставлять в живых, а то всё расскажут. Потом придёт группа ликвидации, сожгут и трупы, и деревню.

– Что? – Метельский от неожиданности остановил коня. – Как такое возможно при Мадосе?

– Поехали! Ты ведь голосовал за него? Сидел бы в своей усадьбе, тебя не тронули. И мне не повезло. Вот дура, подумала: красивый мужик, вдруг выйдет трахнуть?

И Хельга невесело посмеялась.

– Да, я голосовал за него. Выдающийся человек и гуманный, он пресек бы это безобразие на корню... Да что же мы! Надо звонить в полицию или в канцелярию Мадоса.

– Полиция не вмешивается в операции легиона, – холодно сказала Хельга. – И Мадос... мы, в легионе, знаем больше, чем обычные люди. Не удивлюсь, если он все это устроил.

– Не может быть, – выдохнул Метельский.

– Может. Глава легиона подчиняется Мадосу... Впрочем, мы не о том. Мне нельзя появляться в штабе. В зоне операции за слушание могут расстрелять на месте, а вот если попадусь позже... скорее всего, ограничатся промывкой мозгов и понижением в звании. С тобой и вовсе церемониться не будут, хоть и миллиардер. У тебя есть идея, где спрятаться на время? Деньги еще кое-что значат.

Пришлось быстро соображать.

– У меня есть ховёр, только к усадьбе возвращаться опасно, заметят. Но еще есть глайдер в Кебезени, куда мы едем. Собирались на охоту. Он в гараже на окраине.

Хельга передернула плечами.

– Спешимся перед селом, – сказала она. – Лошадей привяжем, их потом найдут по ржанию. Пробираемся скрытно, возможно штаб уже тут.

Показалось село, протянувшееся вдоль Бии. В роще у дороги привязали лошадей и стали красться окраиной села под косогором. Вот и дом Проши. Метельский осторожно заглянул во двор: на входной двери висит замок (здесь по старинке пользовались висячими – показать, что дома никого нет). Гараж, естественно, открылся через трансид.

Хельга поглядела на глайдер: – Век на таких не ездила.

– Удобен для охоты и рыбалки. И дальность у него хорошая. Но надо подумать, куда лететь, а то скоро вечер. Ладно, побыстрее с глаз долой. Только патроны возьму.

Покопался в оружейном сейфе, забрались в глайдер и выехали во двор. Оттуда был выход в прогон, по нему и поехали. В режиме воздушной подушки глайдер издавал мало шума, а прогон зарос травой, и пыли почти не было. В конце прогона Метельский свернул к Бие, так что большая дорога осталась в стороне.

– Ну вот. Если повезло, никто не увидел.

– Куда полетим? – хмуро спросила Хельга. – В Барнаул мне теперь не стоит.

– Не хочу подниматься в воздух, сразу засекут. Здесь есть старая конная тропа к Горно-Алтайску, глайдер пройдет.

В облаке брызг пересекли относительно спокойную в этом месте Бию, и вскоре среди редких сосен показался проселок. Слева от него речка, вокруг луга и рощицы. Золотой закатный свет лежал на листве, и не верилось в недавний кровавый кошмар. Хельга хмуро поглядывала по сторонам, держа одну руку поближе к карману. Небось, припрятан станнер.

Пересекли речку, опять без моста. Снова луга и перелески, вдаль увидели табун лошадей. Еще речка – быстрая, с голубовато-зеленой водой. Метельский стал оглядываться.

– Где-то здесь. Сивилла, карту.

На лобовом стекле появилась карта и, сверяясь с ней, повернул вверх по речке. Хельга мельком глянула на карту.

– Древняя у тебя техника.

– Когда едешь на охоту вдвоем, так удобнее.

– Хорошо, что темнеет, а то они наверняка вышлют дроны. Правда, и в темноте засекут, так что лучше остановиться и прикрыть глайдер чем-нибудь.

– Сейчас.

Впереди показалась роща. Метельский въехал в нее по узкой прогалине, и вскоре остановил глайдер под сенью кедров. Стал слышен шум речки, в той стороне что-то темнело.

– Здесь живет один старец, Никодим. Раньше в этих местах было немало обитателей, скитов для желающих уединиться, летние лагеря. Сейчас запустение, но кое-кто остался. Подойдем, может примет?

– А нам зачем? – недовольно спросила Хельга.

– Вообще-то к нему приезжают за советом издалека.

– Тебе нужны духовные советы? По-моему, лишь плотские утехи.

– Ну-ну. Сама соблазнила, а теперь ехидничаешь.

Хельга вздохнула: – Мне так редко выпадает полакомиться. Ладно, пойдем.

По темнеющей траве подошли к бревенчатому скиту, и Метельский постучал. Ответа долго не было, наконец дверь отворилась. В проеме стоял... пожалуй, не такой уж старец – хотя борода седая, но мужик кряжистый и еще в силе.

Не очень понятно, как приветствовать. Вроде бы, просят благословения, но как это будет у православных?

– Здравствуйте, отец Никодим, – наконец сказал он.

– Да благословит вас Христос, – ответил старец, взглянув на Хельгу и нахмурился. Впрочем, тут же повернулся и сделал приглашающий жест.

– Проходите, дети мои.

Небольшая комната: узкая кровать, несколько икон и лампадка в углу, пара книжных полок. На дощатом столе раскрыта большая книга, наверное Библия, и горят две свечи. Старец указал на лавку, сели. Сам опустился на табурет.

– Странных гостей мне прислал Господь, – сказал он. – Но и вечер необычный, так что это неспроста.

– Почему необычный, отче? – спросил Метельский.

– Позже узнаете, – строго ответил старец. – Кто такие будете?

А говорили, сразу узнаёт все про каждого...

– Я Лон Метельский, летом живу на Телецком озере. По матери Варламов, и в нашем владении окрестная земля. Отдана в вечное пользование заказнику «Урсул» и поселенцам.

Старец вздохнул:

– Да, беда случилась с христианами села Иогач. Но Господь утер их слезы, и они с Ним.

Метельский моргнул – выходит, уже знает! – а старец повернулся к Хельге. Та поколебалась.

– Хельга, – наконец сказала она. – Не христианка. Из легиона, хотя теперь, наверное, уже нет.

– Ты знаешь, чей это легион, – сурово произнес старец. – Беги от него. Ты уже сделала первый шаг. Поприще тебе предстоит трудное, но я стану молить Христа, чтобы присматривал за тобой. Хотя... тебе будет ближе Предвечный свет.

Хельга закусила губу. В комнате наступила тишина. Метельский прокашлялся:

– И все-таки, отче, почему этот вечер особенный? Может, нам надо готовиться к чему-то, а мы теряем время?

– Наступило время великой скорби. То, что случилось в селении Иогач, только начало.

Что-то это напомнило, но что именно? Как сидеть за книжками, когда вокруг столько симпатичных студенток?

– Это из «Откровения» Иоанна Богослова, – неожиданно сказала Хельга. – Так он называл время Армагеддона. Но, отец, нам рассказывали в училище легиона, что Иоанн предвидел его близко к своему времени, а это был первый век нашей эры. Прошло больше двух тысяч лет, и ничего не состоялось.

Никодим вздохнул: – Я надеялся, Господь пошлет мне учеников, чтобы я мог поделиться тем, что мне открылось. Но пожалуй, в этом уже нет смысла. Вам я скажу, что Иоанн не ошибся. То, что он описал, должно было случиться очень скоро. Да и другие апостолы ожидали второго пришествия Христа в ближайшее время, в Библии немало указаний на это. Но Христос упросил Отца повременить, чтобы как можно больше людей достигло духовного просветления. Иначе Армагеддон оказался бы воистину Страшным судом, а так он очистит Землю для тех, кто за это время смог достичь Света.

– Новое небо и новая земля, – медленно сказала Хельга. – Тысячелетнее царство Христово. Вы в это... – она осеклась.

Никодим кротко улыбнулся:

– К сожалению, события, предсказанные Иоанном, все равно состоятся. Кое-что пойдет по-другому, но так или иначе, живущим предстоит Суд.

Хельга криво улыбнулась:

– И сколько будет оправдано?

– Из ныне живущих, пожалуй, всего несколько миллионов. К сожалению, люди все больше погрязают в грехе. Но еще миллионы ждут в светлых мирах, чтобы вернуться.

– В общем, нам не светит, – хмуро прокомментировала Хельга. – Впрочем, извините, святой отец, я не очень в это верю. Может, кого-то ждет одно будущее, а других – другое.

– Именно так, – спокойно сказал старец.

Хельга с досадой глянула на Метельского:

– А ты чего молчишь?

– Задумался о светлых мирах. У нас в семье передаются легенды, что... Впрочем, об этом лучше в другой раз.

Хельга явно хотела что-то сказать, но прикусила губу. Издалека донесся тонкий высокий звук, похожий на зов трубы. Никодим встал и перекрестился на иконы.

– Началось, – сказал он. – Выйдем.

Они вышли. Небо усеяли необычайно яркие звезды, от их света серебрилась трава на поляне.

– Вы не случайно оказались здесь. – сказал Никодим. – Вам не откроется дорога в Китеж, но возможно, вы добьетесь лучшего. Ночевать можете здесь. Моя постель мне больше не понадобится, а в чулане есть еще раскладушка.

– Почему не понадобится?.. – растерянно начал Метельский.

На этот раз громче, торжественно запела труба. Одна из звезд вдруг сделалась невыносимо яркой, и от нее протянулся блистающий белый луч. В этом луче стала будто растворяться фигура Никодима. Он поднял руки, словно благословляя их.

И исчез...

– Ну и ну! – хрипло сказала Хельга. – Что это было?

Метельский пытался унять дрожь.

– Мама рассказывала. – медленно сказал он, – что так исчезла жена одного моего родственника, во время исхода рогн. Она ушла в некий мир под названием Сад. Только ты никому этого не говори.

– Водите родство с ведьмами? Ну и семейка у вас.

– Я не думаю, что они ведьмы. – грустно сказал Метельский. – Но пойдем в дом, холодает.

– Я бы лучше переночевала в глайдере. Хотя да, холодно, а энергию лучше поберечь.

В комнате Метельский подошел к столу с раскрытой Библией.

– Слушай, тут подчеркнуто: «не все мы умрем, но все изменимся»³.

– То есть, отца Никодима взяли на небо? – Хельга остановилась за плечом Метельского. – Сбежал от неприятностей? Вот почему я недолюбливаю христианство. Христос мог взять власть над миром, но предпочел уклониться. Оставил людей маяться.

– Ты рассуждаешь, как Мадос.

– Сам признаешь, что он умен. Только и Мадос... – Хельга вдруг замолчала. – Пойду-ка лучше спать. Я на раскладушке, а то будет неудобно в святой постели.

Метельский отыскал старую раскладушку и даже комплект застиранного постельного белья. Лег на койку старца не раздеваясь, только сапоги снял. Улыбнулся – действительно, грешники собрались в келье, – и неожиданно заснул...

Очнулся в странном месте: лежит не в постели, а на лугу, покрытом яркими цветами, где-то плещет вода, и прямо напротив сидит женщина. Платье какое-то мерцающее, а серые глаза красивые и внимательные.

– Давно хотела увидеть своего правнука, – голос мелодией звучит в голове, – но ты слишком погрузился в удовольствия этого мира. Смотри, не утони с головой. Хорошо, что за тебя замолвили слово.

Метельский поспешно сел. От удивительных ароматов закружилась голова, однако тут же в ней прояснилось, и пришло воспоминание. Как-то просматривали семейные фото, и мать сказала: «Вот эта женщина с красивыми серыми глазами – госпожа Элиза, жена Толумана Варламова и моя бабушка⁴. Я иногда надеваю ее бриллиант. Она как-то явилась мне во сне, точно такой, как на этой фотографии, но только улыбнулась».

³ I Кор, 15:51

⁴ Герои романа «Трое на пути в Хель-Гейт»

– Госпожа Элиза?.. – неуверенно сказал Метельский.

– Надо же, ты узнал меня. Мне это приятно. Между нами граница миров, но коли так, я помогу тебе. В слишком тяжелое время тебе довелось жить. Твой трансид как будто носит имя Сивилла?

– Да. Его активировала мама и сказала, что это подарок из далекого прошлого. И что он не простой.

– Да уж. Ее сектор в Кводрионе был создан одним моим неожиданным родственником. Прикажи Сивилле восстановить исходную конфигурацию. Пароль ты знаешь, эта мелодия будит тебя по утрам. Это мне тоже приятно. А теперь... мое время истекло, до следующей встречи в тонких снах. Боюсь, это будет не скоро.

Метельский проснулся, за окошком стоял розоватый туман. Голова слегка кружилась: он видел сон? Слишком все реально. Ладно...

Он сел, натянул сапоги и вышел на крыльцо. Уселся на ступеньке, глядя, как среди кустов ускользают пряди тумана.

– Сивилла, что ты знаешь о своей исходной конфигурации?

«Вопрос сформулирован нечетко. Интересует схема моих компонентов?»

Нет, так не пойдет.

– Сивилла, восстанови свою исходную конфигурацию. Пароль – «К Элизе» Бетховена.

Снова волшебные такты поплыли в редееющем тумане, а когда через две минуты музыка умолкла, Сивилла некоторое время молчала.

«Исходная конфигурация восстановлена, – наконец сказала она, и голос в голове прозвучал по-другому: кристально-безмятежный, как только что прозвучавшая музыка. – Полный функционал. Отныне я в постоянном контакте с особым сектором Кводриона, созданным сенатором Ильей Варламовым.

– А... программисты Кводриона знают об этом секторе?

«Нет, он закрыт для посторонних. И никто не программирует Кводрион, это превышает человеческие возможности. Конечно, он продолжает выполнять задачи, для решения которых был создан».

– Он не возражает, что ты... или это скорее я, будем пользоваться его возможностями?

«Нет, он относится к этому благосклонно. Человеческие игры занимают его еще больше, чем тайны Вселенной».

Да, похоже Кводрион уже давно не машина.

– Спасибо, Сивилла. Мне нужно осмыслить это...

– С кем ты разговариваешь?

Метельский обернулся: Хельга стояла в дверях, ежась от утреннего холода.

– Доброе утро, – приветствовал он. – С трансидом.

– Вслух? Похоже, тебя не научили пользоваться внутренней речью.

Никакого «доброе утра», бесцеремонная ему досталась спутница.

– Ну да. Меня же не натаскивали, как вас в легионе.

Хельга передернула плечами: – Ладно, оставим это. У тебя есть чем позавтракать? После вчерашнего обеда в твоей усадьбе крошки во рту не было.

– Проша должен был запасти что-нибудь на охоту.

В глайдере нашлись рыбные консервы и хлебцы. Позавтракали за столом (Библию Метельский переложил на постель старца).

– Да, жареный на костре барашек был бы вкуснее, – вздохнул он. – Когда теперь удастся съездить на охоту?

– Мы на охоте. – фыркнула Хельга. – Только сейчас за нами охотятся. Есть идея, куда выбираться? До Горно-Алтайска долго, особенно если ползти по-вчерашнему, а в воздухе нас быстро увидят.

– Есть идея, – пробормотал Метельский, прожевывая хлебец. Да, это не изысканные завтраки, которыми потчевала Аэми. А насчет глайдера кое-что проверим.

Сели в глайдер, и Хельга со вздохом поглядела в зеркало.

«Сивилла, – мысленно сказал Метельский, – может Кводрион сделать так, чтобы нас не фиксировал воздушный контроль?»

«Да, Лон. Сигналы с датчиков будут по хитрому алгоритму искажаться Кводрионом. Конечно, это не физическая невидимость. Глазами нас можно будет увидеть, но проследить вне границ поля зрения – нет».

«Уже хорошо. Поехали».

Права была мама – непростой оказалась «Сивилла». Метельский поднял глайдер. Накреннлась и уплыла назад кедровая роща с опустелым скитом. Надо потом спросить насчет исчезновения отца Никодима, что это было?

– Я передумал, – сказал он, – летим в Катунь-град. В Горно-Алтайске все на виду, а там вольный город, отсидимся какое-то время.

Хельга хмуро оглядывалась. – У легиона быстрые ховеры, нас догонят.

– Посмотрим, – сказал Метельский.

Внизу плыли леса и скалы, приближалась белоснежная стена Катунского хребта. Хельга молчала, прикрыв глаза, потом глянула на Метельского:

– Я бегло посмотрела новости. Про то, что случилось в Иогаче – ничего, а задать поиск я побоялась, меня сразу вычислят. Хотя и так наверное отслеживают.

«Сивилла, – спросил Метельский, – может Кводрион защитить трансид Хельги от слежения? И как насчет меня?»

«Мы почти невидимки, Лон, – раздался в голове веселый голос. – И твою спутницу с этого момента отследить будет сложнее, хотя использовать трансид пусть остерегается».

Выходит, до сих пор за ними могли проследить?.. А «Сивилла», похоже, обрела новую, более яркую индивидуальность.

Слева осталась двурогая Белуха. Глайдер полетел над рекой, стиснутой горами. Обогнули отрог, и стало видно, что из ущелья впереди поднимается дым.

– Что такое? – сказал Метельский, вглядываясь в карту. – Это как раз там, где Катунь-град.

Глайдер приблизился к поселению. Хельга охнула.

Какое-то время назад здесь бушевал пожар – здания стояли обгорелыми остовами, – но сейчас открытого огня уже не было. Лишь кое-где над почернелыми руинами поднимался дым, и сильно пахло гарью.

– Вот здесь стоял университет, – сквозь зубы сказал Метельский, – самое высокое здание в городе. Ему здорово досталось.

Действительно, стены обрушились, а несущие конструкции из сталепласта были покорежены.

– Где же были пожарные? – сказала Хельга, вглядываясь в пепелище. – Почему не тушили? Вон, еще дымит. Я параллельно просматриваю местные новости, там опять ничего. Как и об Иогаче.

Метельский сбавил скорость, но ниже опускаться не стал – мало ли что?

«Сивилла, – спросил он, – есть у Кводриона актуальная информация о Катунь-граде? Что тут произошло?»

«Есть, Лон. Но она закрытая, лишь для администрации Мадоса. Кводрион может нарушить запрет только в случае непосредственной угрозы жизни».

А вот это надо запомнить.

– Людей не видно. – сказал он Хельге. – И никаких тел. Все-таки спушись пониже.

Он повел штурвал от себя, и руины стали наплывать, как черные поломанные зубы.

– Лон! – тревожно сказала Хельга. – Сзади!
«Круговой обзор!»

Внизу ветрового стекла возникла панорама уходящего назад ущелья: синие горы, снега в вышине, и... быстро приближающаяся серебристая точка.

«Увеличить!»

Точка превратилась в некий летательный аппарат...

– Это п`ург!⁵ – крикнула Хельга. – Уходим!

Метельский потянул штурвал на себя, но тут же опомнился – их скорость гораздо меньше, чем у техники хэ-ути! – и стал снижаться к серебристой ленте реки. Пург был уже близко: цилиндрическое тело, короткие крылья и подобие птичьей головы. Видел только в холораме, но вспомнилось, что вооружены излучателями. Тело будто ошпарило кипятком, и стал действовать почти машинально.

Впереди вырос мост над Катунью. Метельский направил глайдер выше моста, но в последний миг толкнул штурвал от себя. Глайдер рухнул вниз и пронесся между опор. Полутьма – и снова солнечный свет.

– Эй! – запоздало крикнула Хельга.

Пург повторил маневр, но ему не хватило доли секунды. На панели кругового обзора было видно, как он врезался в мост. Вспыхнуло пламя, во все стороны полетели обломки. Чуть погодя донесся грохот, арка моста разломилась и стала рушиться в реку. Метельский едва успел рвануть штурвал на себя, чуть не врезались в горный отрог.

– Неплохо, – сипло сказала Хельга. – На курсах легиона тебе поставили бы пятерку.

– В горах иногда надо быстро поворачиваться, – сквозь зубы сказал Метельский. Он потянул штурвал на себя и сделал круг над руинами Катунь-града. Никого, куда же девались люди?

«Сивилла, – сказал он, – а про людей, которые здесь жили, можешь найти какую-то информацию?»

«На это запрета нет. Люди ушли вверх по Катунь, а потом в долину Курагана, к перевалу через хребет. Кводрион фиксирует телефонные разговоры между ними, но получил указание блокировать им выход в сеть».

Да, не ты хозяин «Кводриона», он подчиняется кому-то еще. Тебе приоткрыли тайную дверь, и радуйся этому.

– Похоже, обитатели города ушли к перевалу через Катунский хребет, – сказал он Хельге, опять поворачивая вверх по долине.

– А ты откуда знаешь? И что там?

– Просто догадываюсь. – Рано еще откровенничать с Хельгой, а может и вовсе не стоит. – А там... есть теплые Рахмановские ключи, приятное место. Только кроме пары санаториев, другого жилья нет. Может, они направляются в этот... Китеж. Отец Никодим упоминал о нем. Кстати, не знаешь, что это такое?

Хельга фыркнула: – Явно тебя интересовала не учеба. Ладно, скажу, иначе будешь копать в сети, а нам нельзя. Есть сказание о затонувшем граде Китеже, ушел под воду вместе с жителями. Молили о спасении то ли от татар, то ли от наступления Москвы. Так и живут под водой озера, оттуда даже колокольный звон порою слышен. Но это было давно и далеко отсюда.

Метельский вздохнул: – Наверное, отец Никодим имел в виду что-то другое. Ладно... Чего это п`ург к нам привязался? Может, это они разрушили Катунь-град? Ты с ними сталкивалась?

– Нет. Но знаю, что они контролируют зоны, где обитают хэ-ути.

⁵ Боевой робот хэ-ути, цивилизации из иного потока времени, нацеленной на освоение земной поверхности. Первые столкновения с людьми описаны в романе «Трое на пути в Хель-гейт»

– И почему Мадос позволяет им проникать на Землю? Некоторые районы они прямо оккупировали.

– Думаю, мы узнаем еще много интересного о Мадосе.

Судя по карте, приблизились к месту впадения Курагана. Голубая речка несколькими рукавами впадала в голубую же Катунь. Метельский свернул вверх по долине.

– Зачем тебе это? – недовольно спросила Хельга.

– Может, людям нужна помощь. Хотя наверное нет, иначе ушли бы в Катанду, она ближе.

Хельга фыркнула: – Не ожидала от тебя заботы о ближних.

Как раз о ближних в селении Иогач позаботиться не сумел. И о Татьяне тоже... Метельский скрипнул зубами.

Вдоль реки вилась проселочная дорога – то возле воды, то карабкаясь по склонам в обход скальных прижимов. «Сивилла» выдала справку, что здесь проходит туристический маршрут вокруг Белухи, конный и для велосипедистов. Постепенно леса становилось меньше, и долина приобрела мрачный вид – скалы и осыпи. Впереди показались снежные поля на склонах хребта.

– Вот они, – сказал Хельга.

У начала снегов стало заметно какое-то движение. «Увеличить!» – приказал Метельский.

Несколько групп людей, пеших и на лошадях, и с десятков ползущих глайдеров.

– Наверное, гружены имуществом, – сказал Метельский, – не до полетов.

Вверху наклонное снежное поле сторожили зубцы скал, походя на некий сумрачный город.

– Спустишь к началу колонны, – сказал Метельский, – и расспрошу. Они должны были уйти два-три дня назад, двигаются медленно. Может, их предупредили заранее, и п`урги сожгли уже пустой город?..

– Лон, опять сзади! – обеспокоенно сказала Хельга. – Я у тебя прямо как второй пилот. Боюсь, ты растревожил осиное гнездо.

«Круговой обзор!»

Действительно, будто осиный рой выползает из мрачно-синей глубины долины.

Метельский резко повернул к расселине, откуда к реке белыми каскадами спадал ручей.

– Притаимся под скалой, – сквозь зубы сказал он.

Рой приближался – скопление блесток в свете неяркого солнца.

– Опять п`урги, – почти прошептала Хельга. – Если гонятся за людьми, то им конец.

Рой был уже близко, расходился в стороны, и стало видно, что это металлические птицы с уродливо-короткими крыльями. Одна дернулась было к расселине, и Метельский напрягся, готовясь сорвать глайдер с места. Но п`ург поколебался в воздухе и отвернул в сторону людей на склоне.

– С п`ургов явно ведется трансляция, – глухо сказала Хельга. – Нас решили оставить на десерт.

Пург хищно наклонился вперед. Блекло-голубой разряд...

Один глайдер загорелся, выплюнув фонтан черного дыма. Из горящей машины выпал человек и покатился по снегу, пытаясь сбить пламя. Больше не выпрыгнул никто – возможно, глайдер и в самом деле был набит имуществом.

– Вот сволочи! – растерянно сказал Метельский.

Вспышка посередине роя почти ослепила его. Лобовое стекло мгновенно потемнело, чтобы защитить человеческие глаза, и только потом по ушам ударил гром. Еще вспышка!..

Метельский почти машинально потянул штурвал, выводя глайдер из-под укрытия скалы, чтобы лучше видеть. Над снежной седловиной парил глайдер – миг, и с него сорвалась фиолетовая молния. Еще один п`ург разлетелся на куски, те вспыхивали на лету.

Пурги ответили, бледные разряды понеслись к седловине со странным глайдером. Тот оделся пульсирующим светом, а затем последовала уже непрерывная череда молний. Лобовое

стекло сделалось почти черным, но было видно, как вспышки разрывают стаю п`ургов, как они превращаются в черные хлопья, разлетающиеся будто на адском ветру. От непрерывного грома звенело в ушах. Внезапно он смолк, но от п`ургов уже ничего не осталось, только опали, рассеиваясь, кольца черного дыма. В кабину проник острый запах озона и гари.

– Господи! – потрясенно прошептала, а может быть, и громко сказала Хельга. – Что это было?..

И вдруг закричала: – Что ты делаешь?!

Не сознавая этого, Метельский вывел глайдер слишком далеко из укрытия. Тот, что над седловиной, слегка повернулся. Нос наклонился в их сторону...

«Управление берет Кводрион!» – раздалось в голове.

Глайдер дернулся так, что в глазах потемнело. По ушам ударил гром. Со страшной силой прижало к спинке сиденья – сработали аварийные ракеты! – а потом швырнуло вперед. В безумном зигзаге промелькнули каменистый склон, скалы и небо. Вдруг глайдер снова оказался в горизонтальном положении, а по осыпи в стороне расплывалось и быстро меркло багровое пятно.

– Нас едва не отправили в ад следом за п`ургами! – тонким голосом закричала Хельга. – Прячься!

Но чужой глайдер уже скользил к ним над снежным склоном. Тело пробрал жестокий озноб, а зубы застучали. Слишком близко, теперь и «Кводрион» не поможет!..

«Лон, – сказала "Сивилла". – Они больше не будут стрелять».

– От-куда ты з-знаешь? – Непроизвольно он перешел на обычную речь. – И кто это б-был?

«Отвечать запрещено», – как-то сухо прозвучало в голове.

Глайдер пронесся мимо, лишь на мгновение сбавив скорость. В кабине двое, мужчина и женщина, смотрят на них. А потом вдруг повернул и стал уходить в сторону Белухи.

– Лон! – сказала Хельга. Похоже, и она еле сдерживала стук зубов. – Видно, они поначалу решили, что мы заодно с п`ургами. Как ты смог уклониться от молнии, перегрузка достигла наверное шести g?

– Это не я, – чужим голосом сказал Метельский. – Управление взял на себя Кводрион.

Хельга помолчала.

– Вот как? – наконец сказала она. – С некоторых пор я стала подозревать, что с тобой не всё просто. Не обычный бабник, как вначале подумала.

– Давай пока замнем, – сказал Метельский. – На меня это только прошлой ночью свалилось. Может, потом расскажу.

– А может, и нет, – прокомментировала Хельга. – Но кто же это так швыряется молниями? Немного похоже на то, что умели делать рогны, но тут мощность разрядов совершенно исключительная. Наверное, п`урги частично испарились. Еще немного, и мы бы тоже.

Метельский глубоко вздохнул, наконец-то перестало трясти. Он глянул на склон: там суетились вокруг пострадавшего, перенесли его в другой глайдер, и колонна снова стала подниматься к перевалу.

– Хочу их все-таки расспросить, хотя с такой защитой сами доберутся, куда им надо. Но кто же был в том глайдере? Спросил у Сивиллы, она теперь прямо кладезь информации, а та сказала, что отвечать запрещено.

– Значит, вне сферы твоей компетенции. А вообще, с тобой все интереснее и интереснее.

Метельский уже вел глайдер над склоном, на всякий случай в стороне от людей. Те поднимались по полузанесенной дороге, в горах уже выпадал снег. В знак мирных намерений Метельский пару раз покачал крыльшками, а поравнявшись с началом колонны, свернул к ней и открыл фонарь кабины. В лицо повеяло снегом, вихрь от воздушной подушки взметнул волосы Хельги. Та недовольно передернула плечами.

Выбрав ровное место, Метельский опустил глайдер, спрыгнул на снег (уже уплотнен ветрами) и пошел к людям. Руки держал приподнятыми.

– Я Лон Метельский, – сказал он мужчине во главе колонны, – из усадьбы на Телецком озере. Видел, как вас обстреливали...

Он приостановился. Мужчина уже в годах, и вдруг показалось, что видит самого себя, только постаревшим, да глаза почему-то сделались голубыми. Мужчина тоже с любопытством глядел на Метельского.

– Кай, – сказал он, протягивая руку. – Кай Иванов⁶. А мы, похоже, родственники. Я слышал о владельце усадьбы в селе Иогач, и что по материнской линии он принадлежит к Варламовым. Я тоже, только по мужской. Фамилия была изменена... по некоторым соображениям, но теперь это уже потеряло значение.

– Гм, – Метельский пожал плечами, запутаешься в этих родственниках. – Весьма приятно. У вас как будто есть пострадавшие, не нужна помощь?

– Один человек с ожогами. Довольно серьезными, но нам уже недалеко. Извините, пора опять двигаться. Вдруг еще кто появится по наши души.

– Можно, я немного пройду с вами? Хотел спросить о Катунь-граде.

Кай кивнул и зашагал вверх по пологому склону.

«Сивилла, переведи глайдер в режим следования», – приказал Метельский и пошел рядом. Обувь не очень подходит для гор, но снег не слишком твердый, уже начал подтаивать.

– Нам указали покинуть город, – сказал Кай. – Кое у кого мы как бельмо на глазу. Народ вольный, к Мадосу относится без почтения, да и хэ-ути имеют свои виды на это место. Так что кто-то просто уехал, ну а мы перебираемся в другое место.

Метельский пожал плечами: – Странно, по ту сторону хребта до жилья далеко. Хотя отец Никодим сказал, что кое-кого переправляют в совсем уж другие места, некий Китеж. Вы не из этих?

Кай приостановился и глянул на Метельского. Голубизна глаз поблекла, но взгляд твердый.

– Вы знаете отца Никодима?

– Встретились вчера, но общались недолго. Он исчез, и очень странно, будто вознесся в луче света.

– Значит, восхищение верных уже произошло, – тихо сказал Кай, возобновляя ходьбу. – Если такое видели, значит, с вами можно говорить о тайном. Нет, мы такого не удостоимся. Народ в общем безалаберный: художники, поэты и те, кто в вечном духовном поиске. Но для кого-то, видимо, и это ценно. Так что для нас приоткроется дверь в некое тихое место. Открыться она может только для потомков первых, избранных хозяйкой Сада.

– Я знаю о Саде. – Метельский дышал чаще обычного, да и сердце забилось учащенно: неожиданно оказался на довольно большой высоте. – Мать предупреждала, что это не для посторонних, но мы, кажется, действительно одной крови.

– Да, – с горечью сказал Кай. – Эта кровь кое для кого имеет большое значение. И вам тоже лучше бы оставить этот мир.

Уже знает о трагедии в селе Иогач? Но про это лучше промолчать, не бередить свежую рану.

– Со мною спутница, она вряд ли готова. Да и любопытно посмотреть, что будет?

Кай вздохнул: – Я отвечаю за людей, с которыми долго жил. Без меня они не смогут пройти. Мы уже рядом, вон седловина и скалы с обеих сторон. Мне показали это место.

⁶ Сын Ильи Варламова от второго брака (роман «Танцующая в огненном цветке»)

Действительно, впереди открылась пологая снежная седловина. Через нее проходила дорога (тут ее почти занесло), а по сторонам стояли угрюмые скалы – «жандармы». Ветер веял в лицо снежной пылью. Кай остановился:

– Вам лучше вернуться к глайдеру. Если вас угораздит с нами, едва ли сможете вернуться.

– Ну что же, удачи вам, Кай!

Они пожали руки, и Метельский пошел к глайдеру. Тот со свистом турбин опустился на снег.

– И куда они дальше? – спросила Хельга. Она застегнула комбинезон по горло.

– Может быть, увидим. – Метельский прикрыл глаза ладонью, чтобы не слепил отраженный снегом свет. Мимо шли люди, с любопытством поглядывая на них. Кто-то вел в поводу лошадей, а кое-кто держал за руки детей. С натужным гудением плыли глайдеры – в них дети поменьше и разное барахло.

– Прямо исход, – сказала Хельга, а Метельский перевел взгляд на седловину.

Там вдруг четко обрисовалась фигура Кая. Свет изменился, стал хрустальным и уже не резал глаза. По мере того, как колонная подтягивалась к седловине, ее затопляло мерцающее сияние. И в этом сиянии один за другим скрывались люди, кони и глайдеры, а последней исчезла будто облитая алмазным светом фигура Кая.

Метельский перевел дыхание. Седловина была пуста, только ветер вздымал снежную пыль.

– Куда они делись? – недовольно спросила Хельга. – Я ничего не могла разглядеть, свет слепил.

– Исчезли, – сказал Метельский. – Примерно, как отец Никодим, только эти, похоже, отправились куда-то поближе.

– Рада бы в рай, да грехи не пускают, – кисло прокомментировала Хельга. – Всё чуднее и чуднее. Ладно, мы что делать будем?

Метельский сел в глайдер и глянул на приборную панель, предпочел оставить ее традиционной.

– Пора на зарядку, летим в Катанду. А дальше... надо подумать.

Он поднял глайдер, и повел его обратно в долину Катунь.

– Ты с кем-то разговаривал, – сказала Хельга. – Кто это?

А тут осторожнее! С женщинами вообще надо быть осторожным, а эта вдобавок из легиона.

– Я его не знал. Их предупредили, чтобы оставили Катунь-град, и он возглавил партию. Ему указали на это место. Наверное, переправляют в этот... Китеж, о котором упоминал отец Никодим.

– Сборище бездельников, – кисло сказала Хельга. – Наводила я справки об этом Катунь-граде. И кто-то о таких заботится? Даже направил глайдер с тяжелым вооружением в подмогу... Стоп! Ты заметил какое-нибудь вооружение у того глайнера?

– Как будто нет. Но я не очень разбираюсь в вооружениях.

– Я сейчас вспоминаю этот глайдер в деталях, нас учили запоминать картинку. Не было там никакого вооружения, даже встроенного. По конфигурации корпуса это можно определить достоверно. Всего-то легкий гражданский глайдер. А тут работала как минимум протонная пушка, такую на глайдер вообще не поставишь. Я начинаю понимать, почему руководство легиона заинтересовалось местными жителями.

– Ну, эти не совсем местные жители. В Катунь-граде даже охотников не было.

– Вот-вот, – подхватила Хельга. – Некий особый мир, где можно овладеть необычайными способностями, или получить чудо-оружие. Мечта руководства легиона, даже жителей села Иогач... – Она запнулась, и чуть погода невесело добавила:

– Меня наверное расстреляют, если узнают, что я все разбалтываю. С тобой совсем о дисциплине забыла.

– Не возвращайся ты в этот легион. Диктаторы всегда мечтают о чудо-оружии. Опять взялись за старое.

– Ты уже считаешь Мадоса диктатором?

– После Иогача перестал доверять. Сама сказала, что это спецоперация легиона, а легион подчиняется ему. Хочу вернуться к своей усадьбе, и еще узнать, как в других селениях?

– Не стоит, – рассудительно сказала Хельга. – Нас схватят, и очень вероятно будут пытаться. Скорее всего, п'урги вели съемку в высоком разрешении, и нас будет нетрудно опознать. У тебя же теперь есть чудесный источник информации. Это я своим трансидом не рискую пользоваться.

Горы с обеих сторон становились ниже, снега на них уже не было. Открылась долина Катуня, горы расступились, и вскоре показался живописно разбросанный поселок. Метельский приземлился на заправке, а Хельга решила поискать магазин.

– Хочу избавиться от этого комбинезона, слишком заметен. И от сапог устала.

Метельский поставил глайдер на зарядку (сменных аккумуляторов не было, народ здесь явно экономил) и зашел в кафетерий. Взял кофе в автомате и расположился на террасе, откуда открывался вид на долину Катуня. Чаше поглядывал на восток, где в ущелье еще стлался дым.

«Сивилла, до твоей... активации мы видели, как в луче света исчез отец Никодим, он был старцем и жил в скиту. Кводриону известны другие подобные случаи?»

«Некоторое количество. – бодро ответила "Сивилла". – Точно установить невозможно, поскольку исчезнувшие не имели трансидов, и эти случаи фиксировались лишь внешними наблюдателями, если таковые были».

«Что же происходило?»

«Физическая природа явления неизвестна Кводриону. Возможно, имел место переход к материальности с иными свойствами. По национальности и полу большой разброс, но большинство были ярко выраженными верующими. Поэтому заслуживает внимания версия христианских богословов о восхищении церкви, когда верующие в Христа будут восхищены на небеса, чтобы избежать страданий во время так называемой «великой скорби». Однако этому противоречит то, что многие исчезнувшие не принадлежали к христианскому вероисповеданию. Предоставить статистику?»

– Не надо, – пробормотал Метельский вслух. Хотя, кто его слышит? И Кай говорил о чем-то похожем, только не про небеса, а какое-то тихое место.

– А как с теми, кто ушел вверх по длине Курагана?

«Внезапное прекращение радиообмена. Ни один трансид не регистрируется в земной сети».

Больше вопросов задавать не стал, в голове был полный сумбур.

Наконец появилась Хельга – в бежевой плиссированной юбке, блузке с голубыми цветочками и в босоножках.

– Магазинов тут всего два, – пожаловалась она, кидая пакет (видимо, со своим форменным комбинезоном) на стул.

– Ну и ладно, – сказал Метельский. – Смотришься очень хорошо. Этакая холодная нордическая красotka.

– Умеешь польстить женщинам, – фыркнула Хельга. – Но спасибо. А ты что такой хмурый?

– Да вот, спрашивал Сивиллу, что могло случиться с отцом Никодимом?..

И пересказал услышанное: от Хельги теперь никуда не денешься, можно быть и откровеннее.

– Да уж, – Хельга задумалась. – Если это правда, нам крупно не повезло. Жить в последние времена... И зачем мне тогда карьера в этом легионе? А вообще, ты получаешь уникальную информацию. С чего это Кводрион для тебя из кожи вон лезет?

– Старая семейная история, – вздохнул Метельский. – Кое-кто за меня попросил.

Хельга покачала головой: – Похоже, очень влиятельный... – тут она усмехнулась. – Или скорее, влиятельная. У вас, Варламовых, есть некая загадочная покровительница.

– Получила на меня ориентировку? – кисло спросил Метельский.

– Было дело. – вздохнула Хельга. – Но теперь хочу послать всех к черту. Послушай, я кое-кого расспросила. Два дня назад здесь слышали грохот и видели дым в стороне Катунь-града. Кое-кто пытался подлететь ближе, однако их завернул воздушный контроль. Дескать, случился пожар, и жителей уже эвакуируют. В общем, сплошное вранье. У меня такое впечатление, что весь этот район зачищают.

Метельский покачал головой: – Что там с моей усадьбой?.. Сивилла, можешь дать изображение?

«Сразу несколько, Лон. Со спутника, дрона, и с дежурного хопера легиона».

Везде одно и то же, только в разных ракурсах. Догорающее село Иогач, дым стелется над безмятежно синим Телецким озером. Его усадьба горит ярким пламенем – видимо, подожгли недавно.

– Что с Аэми?

Сивилла чуть замялась.

«Используют... по назначению. Они снимают видеорегистраторами, показать?» – и как будто хихикнула. Надо же, чувство юмора прорезалось.

– Не нужно, – сквозь зубы сказал Метельский. И пояснил Хельге:

– Сожгли село, подожгли мою усадьбу и теперь насилуют Аэми.

Хельга подняла брови: – А что, бывает изнасилование андроида? По-моему, есть только гражданская ответственность за использование чужой собственности. Интересно, Сувор тоже участвует? Впрочем, я могу его понять, не очень везет с женщинами.

– Откуда у него этот шрам на лице? – хмуро спросил Метельский.

– Получил во время дуэли. Можно было свести, но это некий шик, хвастаться шрамами. Я испытывала от этого только отвращение... – Хельга запнулась, и чуть погодя добавила: – Вдруг пришло в голову, что он уже летит к нам. Я говорила, что п`урги наверняка передавали картинку, и возможно она поступала прямо в легион.

Метельский сверился с «Сивилло» и встал: – Глайдер зарядился. Летим в... – он прикинул по карте, вызванной в поле зрения, – в Абакан. Это час лету, а там сядем на поезд. Обычные поездки Кводрион запутает, а насчет самолетов я не уверен. И свой глайдер лучше иметь под рукой...

Он заколебался: – А вообще, я бы лучше подождал. Хочется потолковать с этим Сувором, держа его на мушке.

– Не глупи, – сказала Хельга. – Нас опознают издалека и оглушат из станнеров дальнего боя. Отложи до другого раза, и поехали. Похоже, нам долго придется бегать.

Начали спешить, но Метельский захватил с собой кофе для Хельги.

– Спасибо. – пробормотала она, потягивая из чашки.

Уже летели, за путаницей горных долин показались белоснежные вершины Белухи.

– Хотела поглядеть на нее вблизи, – вздохнула Хельга. – Говорят, очень красиво, особенно Аккемская стена.

– Как-нибудь в другой раз, – сказал Метельский.

– Думаешь, у нас будет другой раз?

Да, сомнительно. Но что делать дальше, тоже неясно, так что не стал отвечать.

– Сувору влетит, – вздохнула Хельга, – за то, что тебя упустил. Раз поступил такой приказ, должен был ликвидировать всех свидетелей. Наверное, еще питал ко мне сентиментальные чувства, но теперь здорово обозлится.

Метельский промолчал. Внизу тайга и горы, осколки озер – то синих, то изумрудных. Затем впереди показалась голубая полоска и постепенно превратилась в голубое полотно, протянувшееся между гор.

– Енисей, – сказал Метельский. – Точнее, Красноярское водохранилище. Снижаемся к Абакану.

В городе управление было автоматическое, вскоре оказались на стоянке возле вокзала.

– Здесь перекресток больших сибирских путей, – сказал Метельский. – Широкий ход с выходом на Транссиб и Великую северную магистраль, и меридиональный – от Норильска до Мадраса. Что предпочитаешь: арктические холода или жаркую Индию? А может, вообще махнем в Америку?

Хельга покачала головой: – Ближайший поезд, все равно куда. Ты недооцениваешь легион. И еще... у тебя хватит денег на отдельное купе?

– Надеюсь, еще останутся, – рассмеялся Метельский. Настроение сразу улучшилось.

«Сивилла» вывела расписание, ближайшим поездом был экспресс Норильск-Мадрас. Нашлось и двухместное купе. Оплатил проезд и провоз глайдера – будем надеяться, что «Кводрион» скроет, кто платил. Глайдер тут же переехал на грузовую платформу, там оставили его на попечение тележки-робота, а их самих пассажирская платформа доставила к месту остановки вагона.

– Так и не повидала Енисей, – вздохнула Хельга. – Жизнь пролетает стороной.

Раздался звонок, и «Сивилла» высветила звонившего – Юрий, финансовый менеджер.

– Привет, Юрий! Что у тебя?

– Здравствуйте. Это вы сейчас сняли двадцать две тысячи кредитов с текущего счета? Место и детали транзакции скрыты, но сервисная служба Кводриона подтвердила, что это вы. На всякий случай решил позвонить.

– Да, это я. Впредь не обращай особого внимания на такие вещи. Происходит что-то непонятное, и пока ухожу в тень... Да, еще свяжись со страховой компанией, пусть проверят мою усадьбу на Телецком озере и андроида Аэми. Скорее всего, начнут расследование, но я пока участвовать не смогу.

Дал отбой и спросил: «Сивилла, кто-то мог зафиксировать этот разговор?»

«Нет, Лон. Собственно, никакого разговора не было, даже отметка в трансиде Юрия аннулирована. И не беспокойся, что напрягаешь Кводрион, ему нравится играть в такие игры».

Интересно, во что еще любит втихомолку поиграть «Кводрион»?..

С гулом подошел экспресс, пересекавший с севера на юг всю Сибирь. Метельский давно не ездил на поезде, хотя они сохранили популярность, а в грузовых перевозках были незаменимы.

Встретила лучезарной улыбкой проводница-андроид. Купе оказалось комфортабельным, с двумя диванами, туалетом и душевой кабиной – это вам не самолет. Хельга сразу скрылась в душе, и вернулась в халате с забавным изображением – парочка белых медведей среди пальм.

– Ну, вот. – удовлетворенно сказала она. – Хоть на время можно забыть о неприятностях.

Она легла, будто случайно приоткрыв халат. Стала видна красивая грудь, и Метельский непроизвольно сглотнул. Сразу вспомнилось, как метались светлые волосы, когда Хельга раскачивалась на нем. Та издала резковатый смешок:

– Не пускай слюнки, можешь сразу переходить к делу. У нас впереди долгий путь...

Поезд рассекал Саянские горы, а они занимались любовью на мерно покачивающемся диване. Потом заказали обед в купе, и снова занимались любовью, а поезд пересекал великую пустыню Гоби. Поужинали в вагоне-ресторане, и снова завалились на диван, а поезд втягивался в горы Тибета.

– Куда лучше, чем тренировки в легионе, – наконец сонно пробормотала Хельга.

И ему лучше, чем с Аэми: та искусна в эротическом массаже, но заниматься сексом с нею все же претит. А Хельга живая и яростная, даже покусала его в исступлении оргазма. В итоге разморило так, что не захотелось добираться до своего дивана, так и уснули рядышком.

Утром разбудила «Сивилла»:

«Извини, Лон, это надо видеть. Поезд пройдет вблизи Канченджанги, третьей по высоте вершины мира».

Метельский сел и поцеловал Хельгу в щеку:

– Доброе утро. Сивилла говорит, что это следует видеть.

Хельга открыла глаза и приподнялась на локте.

– Доброе утро, милый. Спала как убитая... Где мы?

Поезд только что вылетел из туннеля и втягивался на эстакаду. «Здесь уникальный комплекс туннелей и эстакад, одно из самых сложных инженерных сооружений на Земле, – пояснила "Сивилла". – Не стали пробивать сплошной туннель, чтобы люди могли любоваться видом. Мы на высоте четыре тысячи пятьсот метров, но давление воздуха в вагонах поддерживается на привычном уровне».

За окном разворачивалась заснеженная горная цепь, позади нее лежал туман, а из него вставало несколько вершин, залитых нежно-розовым, холодным светом. Было ясно, что они поднимаются на огромную высоту.

«Канченджанга, – сказала "Сивилла", – в переводе "Пять сокровищ великих снегов". Гора считается священной, альпинистам запрещено подниматься на венчающий вершину снеговой купол».

Величавые горы медленно отступили, поезд влетел в очередной туннель. И при тусклом свете ламп возникло ощущение, что некий этап в жизни закончился, и дальше будет совсем другое. И вправду – больше нет ни усадьбы, ни Татьяны. Метельский скрипнул зубами, так ярко она вспомнилась, мертвая среди своих цинний.

Наверное, все-таки любил ее. И он ДОЛЖЕН отомстить, больше никто этого не сделает!..

– Что это тебя передернуло, Лон? – спросила Хельга.

– Вспомнил ту девушку, с перерезанным горлом. Кто это мог сделать, Сувор?

– Скорее, по его приказу. Но при таких операциях обычно присутствует куратор от церкви Трехликого – ты его видел, в черной сутане, и тогда распоряжается он... Ох, почему я это сказала? Тебе-то зачем знать?

– Найду твоего Сувору или этого черного, возьму за горло и заставлю рассказать, кто виноват. Если они, то убью.

– Ну-ну, – сказала Хельга. – Вероятнее, тебя первого отыщут. А вообще приказы легиону отдает Мадос, да и в церкви Трехликого он главная шишка. Ты и до него хочешь добраться?

– Если понадобится, – хмуро сказал Метельский.

Хельга фыркнула: – Жалко будет потерять такого любовника, только-только нашла... Кстати, ты не хочешь начать день с утренней зарядки в постели?

И они снова занялись любовью, а поезд спускался в зеленые долины Индии.

Вышли из вагона в Калькутте.

– Здесь опять перекресток, – сказал Метельский. – Можно поехать на восток, к Тихому океану, или на запад, к Атлантическому. Опять сыграем в «орел или решку»?

Отдельное купе нашлось в поезде на запад, в экспрессе Гонконг-Каир.

– Не думала, что меня занесет в Африку, – удивилась Хельга.

Они вышли из зала ожидания, и Метельский изнывал от жары, куртку пришлось перекинуть через руку. Хельга расстегнула почти все пуговицы на блузке. Метельский проверил, готов ли глайдер к погрузке, и наконец подкатил поезд. Было приятно снова оказаться в прохладе вагона.

– Уф! – сказала Хельга, откидываясь на спинку дивана. – Шесть тысяч километров, ехать почти целые сутки. Но надеюсь, не заскучаем. – И она подмигнула Метельскому.

Поезд тронулся, быстро набирая ход. Дорога в основном шла по эстакадам над густонаселенной местностью. Особых природных красот не было, и включили холораму.

Подвели окончательные результаты референдума: Мадос ожидаемо победил, и теперь совмещал пост президента Всемирной федерации и сан Верховного наставника. Впрочем, абсолютного перевеса у него не было: многие в странах Азии и, удивительно, Северной Европы, проголосовали против.

– Явно будет раскол, – сказала Хельга. – Многие не доверяют Мадосу, особенно мусульмане. А обещал небывалое единение.

Еще сообщалось, что ледяной астероид, направляемый к Венере, вышел на заключительный участок траектории. Показали бледноватую небольшую луну на фоне уже различного диска Венеры.

– Вот будет зрелище, когда упадет, – вздохнула Хельга. – Хорошо, что это далеко от Земли.

Они пересекали штаты Индии, потом провинции Пакистана и Ирана. То занимались любовью, то спали. Утром, когда солнце осветило пустынную равнину теплым розовым светом, Метельский сказал:

– Сейчас будет Шираз. Это родина поэта Саади, о нем упоминается в стихотворении Есенина:

«Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!»

– Это кто? – сонно спросила Хельга.

– Есенин, русский поэт двадцатого века. А Саади – персидский, жил еще в тринадцатом.

– Не ожидала, что ты разбираешься в поэзии, – удивилась Хельга. – В учебной программе легиона поэзия отсутствовала напрочь. Но это напомнило про одно упущение, в грудь ты меня как-то не целовал.

– Извини! – рассмеялся Метельский. – Сейчас исправлю.

Чем и занялся, но грудью, естественно, не ограничилось. Ширази не увидели, а через некоторое время поезд замедлил ход и остановился.

Метельский справился у «Сивиллы»: – Вавилон. Здесь снова развилка, одна трасса идет через Багдад в Европу, а другая через Каир до Касабланки. Осталось немного.

– Пойду в душ, – сказала Хельга. – А там надо подумать, куда дальше? Может, через Гибралтарский пролив в Европу?

Она призадумалась, потом ушла, а поезд что-то долго стоял. Когда вернулась, впервые заговорил динамик:

«Внимание! В связи с политической ситуацией движение через Иерусалим приостановлено. Если положение не изменится, через два часа поезд отправится в обратный рейс. Просим извинения за неудобства, и рекомендуем воспользоваться воздушным транспортом. К поезду будут поданы ховеры для проезда в аэропорт».

– Что там с политической ситуацией? – удивился Метельский. – Сивилла, включи холораму. Обзор основных новостей.

Новости удивили. В речи после избрания Мадос заявил, что стремится к дальнейшему сближению и полному слиянию религий в рамках Единой церкви. Одним из препятствий является неравноправное положение иудаизма. Все религии имеют традиционные места для культа,

и они будут сохранены, но главная святыня евреев – храм Соломона, до сих пор не восстановлена, поскольку Храмовая гора, где он когда-то стоял, отошла мусульманам. Мадос призвал их не препятствовать восстановлению храма между мечетями Омара, или «Куполом скалы», и Аль-Акса⁷. При этом «Купол скалы» станет местом для совместного поклонения мусульман, иудеев и христиан. Участок земли между мечетями не используется из-за крайней ненадежности грунта – по сути, это развалины древних строений, но с помощью современных технологий можно создать незыблемое основание для храма... В ответ на это несколько духовных лидеров ислама заявили, что правоверные должны встать на защиту мусульманских святынь, призвали к блокированию магистралей и объявили Мадоса узурпатором. В Иерусалиме впервые за двести лет начались беспорядки. В нескольких мусульманских автономиях заявили, что будут спешно создавать армию для защиты священной для мусульман Храмовой горы.

Метельский пожал плечами: – Что это на Мадоса нашло? Обещал, что при нем продлится золотой век, эпоха мира и процветания. И тут же провоцирует религиозные конфликты, о которых почти все забыли.

Хельга не спеша одевалась.

– Я говорила, что мы узнаем о Мадосе еще много интересного. Вдруг это и есть его настоящая цель? А мы что будем делать?

– Самолетом лететь не стоит, боюсь слишком уж полагаться на Кводриона. Да и что мы забыли в этом Каире? Можем, пересядем на другой поезд, и действительно через Багдад в Европу?

Хельга поиграла пуговицей, затем усмехнулась.

– Давай не будем спешить. Ведь мы в Вавилоне, одном из древнейших городов мира. Только недавно восстановили как город-музей, и сюда приезжает масса туристов. Почему бы не остановиться здесь на пару дней? Скорее всего, мы сбили легион со следа. Там обленились – сделаешь запрос, и Кводрион выкладывает информацию, как на блюдечке. А тебя он вроде покрывает. И отель найдем с удобной кроватью, а то бока отлежала.

Да, призадумайся. Гоняться за Сувором? Но для поисков желательна помощь Хельги, а она явно не хочет ввязываться. Лучше повременить и сойтись с ней поближе. Хотя наверное, себя обманывает – путешествие ему просто нравится... Тут вспомнилась Татьяна, и он вздохнул.

– Ладно.

Вышли, снова жара. Пока шли к платформе, куда выгрузили глайдер, Метельский вспотел.

– Пожалуй, надо купить метапояса, – сказала Хельга, – настроить на прохладу. А вокзал великолепен, будто из сказок «Тысяча и одна ночь».

Сивилла вывела список отелей, и Метельский выбрал «Хилтон», номер с видом на Евфрат. Но прежде заехали в магазин одежды. Метельский купил два метаморфных пояса, и Хельга скрылась в кабинке, выйдя оттуда в чем-то льдисто-мерцающем, как раз к голубым глазам. Метельский предпочел стандартную конфигурацию – легкую рубашку и бриджи. Заехав в отель, оставили там прежнюю одежду и отправилась на прогулку.

Вдоль набережной мутноватого Евфрата стояли дворцы и храмы, реконструкция древних сооружений. Было немало туристов – естественно, больше из Азии. Прошли мимо величественного храма Мардука, главного бога древних вавилонян, а у следующего Хельга остановилась.

– Храм Баала и Аштарот. Об Астарте я кое-что знаю. Подойдем?

⁷ «Купол скалы» – собственно не мечеть, а мемориальное сооружение над т.н. Камнем основания. Видимо, там находилась Святая Святыня храма Соломона до его разрушения. Аль-Акса – Дальняя мечеть, построена в южной части Храмовой горы в память чудесного путешествия пророка Мухаммеда в Иерусалим.

Здание в виде куба, с такими же прямоугольными, только ниже, пристройками по бокам. К воротам ведет широкая лестница, а по сторонам входа – два массивных изваяния. Слева женщина – с широкими бедрами, выпуклыми грудями и чувственными губами. Справа – мужчина, тоже нагой, с мускулистым торсом и мужским достоинством напоказ.

Хельга усмехнулась:

– Сразу видно, как им поклонялись? А это кто, статистики?

Вдоль лестницы сидело несколько женщин в странных головных уборах, как будто из тростника. Метельский запросил «Сивиллу».

– В древности сюда приходили женщины, чтобы отдаться любому мужчине, который их пожелает, – пояснил он Хельге. – Ритуальное совокупление, своеобразное приношение Астарте. Сейчас это в основном туристки, решившие поиграть в жриц Астарты. Само действие происходит внутри храма, там имеются альковы с ложами-алтарями.

– Не хочешь с кем-нибудь уединиться, а то бедняжки изнывают на солнцепеке? – ехидно спросила Хельга. – Я подожду.

– Пожалуй, нет, – сказал Метельский. – Но можем пройти внутрь, приветствуются и пары со стороны.

Они поднялись по лестнице и заглянули внутрь храма: обширное помещение, полутемное после яркого солнца, два ряда колонн уходит в глубину. Справа и слева в стенах двери, большинство открыты... Хельга вдруг побледнела и схватилась за руку Метельского.

– Что с тобой?

– Так, вспомнили кое-что, – хрипло сказала она. – Все это уже было...

После торжественного приема по случаю окончания училища бывшим курсантам предоставили полную свободу. К Хельге подошел Сувор с двумя бокалами шампанского. Они чокнулись, выпили, и Хельга поставила бокал на поднос.

– И куда ты сейчас, Сувор? В шикарный ресторан с друзьями, ведь нам оплатят любой счет? А потом во дворец наслаждений, опять со всей компанией?

– А ты со мной не хочешь?

– И с твоими друзьями-дуэлянтами? Не хочу, напьются и будут лапать.

Сувор оглянулся и понизил голос. – Есть еще один вариант. Для нас сегодня открыты все двери. Можем отправиться в храм Трехликого, и нас пустят во внутреннее святилище.

– Гм, – сказала Хельга, – слышала об этом святилище кое-что. Но ведь мы не адепты.

– Это неважно, сегодня нам все позволено.

– Ты меня заинтриговал. Ну, пойдем.

Вышли из зала, спустились по парадной лестнице (не думала, что будет запросто гулять среди такой роскоши) и вышли на черно-зеркальную площадь. Храм был неподалеку от дворцового комплекса, три шпиля цвета вороненой стали вздымались к серому небу. Хельга усмехнулась:

– Будто фаллосы. Но хоть ясно, что тут не читают нудных проповедей.

Поднялись на паперть, где двое служек с поклонами распахнули створки дверей.

– И к посетителям относятся с уважением, это мне по душе.

Обширное помещение, три прохода между колонн уходят в темную глубину. В ней три объемных изображения, все знакомые.

Слева нагая женщина, лишь слегка прикрытая длинными волосами, с зажатой в руке красной розой. Губы полураскрыты как карминовые лепестки, глаза колдовски светятся зеленым. В центре из лилового тумана сквозит загадочный темный лик. Справа – мужчина в черном халате, перехваченным золотым поясом, и с обнаженным мечом в руке. Темная воинственность, он же Темный воин, покровитель их легиона. Хельга и Сувор слегка поклонились ему.

– А теперь вниз!

Сувор взял Хельгу за руку и повел налево. Там арка, за ней пандус спускается в синевато освещенную глубину. По сторонам арки опять двое людей – эти в черной с серебром форме, оружия не видно, но руки на кожаных поясах. Сувор пошел прямо на них, и те неожиданно отступили в стороны, а руки взлетели к козырькам фуражек. Хельга автоматически вскинула руку в ответ.

– Вот видишь, – в голосе Сувора прозвучали нотки самодовольства, – мы теперь причислены к посвященным.

Ну, она посвящения не проходила. Да и Сувор вроде бы тоже.

Спустились по пандусу, снова арка, и в ней дверь из черных досок. Под дверью будто лужица крови, это в щель протекает багровый свет. Хельга зябко передернула плечами, но Сувор решительно распахнул дверь.

И там помещение с рядами колонн, только пол в черно-белую шахматную клетку, а по колоннам стекает красноватый свет. Хельга толкнула Сувора локтем в бок:

– Смотри! Не один ты додумался.

Вдоль стены скамейки, на них с десятков человек. Все в такой же новенькой лейтенантской форме, лица знакомые. Сувор и Хельга кивнули, им ответили так же.

– Ну, и чем нас собираются развлекать? – спросила Хельга, а Сувор подвел ее к свободной скамье и помог сесть. Редко дождешься от него такой обходительности.

– Посмотрим, – сказал он.

Зазвучала странноватая музыка, и среди колонн возникли фигуры – мужчины и женщины в невесомых зеленых одеяниях. Начали танцевать, то скрываясь за колоннами, то появляясь из-за них – словно играли в некую замысловатую игру. Игра была явно эротической: сквозь прозрачную зелень просвечивали бедра и груди женщин, порой мужские фигуры приникали к ним, но после нескольких движений отстранялись, и танцоры расходились – чтобы вскоре образовать новые пары.

– На богослужение не походит, – сказала Хельга, пытаясь сохранить невозмутимость. – Скорее, идет к групповому совокуплению. Хочешь поучаствовать, Сувор?

Тот не ответил, а в левом проходе начало светлеть. Миг, и пространство между колонн будто завесили багровые гобелены. В конце прохода оказался трон, а на нем нагая женщина в одеянии из длинных волос, с красной розой на коленях.

– Наверное, наняли какую-то порно актрису, – скептически заметила Хельга.

Сувор мечтательно вздохнул: – А вдруг это и в самом деле воплощенная Лилит? Говорят, она иногда является своим поклонникам.

Хельга покосилась: – Тебе обязательно нужна мистическая приправа к сексу?

Танцующие фигуры окончательно разбились на пары, и стали изображать уже откровенно эротические сцены. Рука Сувора легла на колено Хельги, она сглотнула.

– А вот и до секса дошло. Ну и эквилибристика, как в «Кама сутре».

Музыка уже не отстраненно-холодноватая, а томительно-сладостная. Вокруг начинается брожение: несколько пар встает со скамей и направляется к стене, где открылись красновато освещенные альковы. Но женщин не хватает, и часть мужчин остается сидеть. Хельгой все сильнее овладевает желание.

Несколько танцовщиц в полупрозрачных одеяниях скользят к одиноким мужчинам. Хельга уже готова тащить своего спутника к ближайшему алькову.

Лилит (или та, кто изображает ее) встает с трона и идет меж багровых гобеленов. Сквозь водопад каштановых волос видно, как колышутся груди с красными сосками. Останавливается напротив – губы красные и припухшие, а глаза головокружительно зеленые.

– А что же ты? – она смотрит лишь на Сувора, голос чувственный и звучный. – Сегодня каждый мужчина волен выбрать любую женщину. А она, мужчину.

Сувор отпускает колено Хельги, встает и кланяется.

– А если я выберу тебя, несравненная?

Лилит насмешливо улыбается, и красный язычок скользит между красных губ.

– Сегодня я не могу отказать. Только сбрось свою дурацкую форму.

Черное ложе поднимается позади из пола, и Лилит откидывается на него. Сувор торопливо скидывает одежду. Хельга смотрит, оцепенев от возмущения и стискивая кулаки.

Ее спутник ложится на женщину, и ягодицы начинают двигаться. Хельга стонет от ненависти. Толчки все быстрее, и все более яростной зеленью горят глаза Лилит. Вдруг она тнакидывает свои волосы на шею Сувор. Тот начинает стонать от наслаждения, но стоны переходят в хрип – Лилит сдавливает ему шею волосами, как удавкой. У Сувор все же вырывается крик, тело сотрясают судороги, а потом оно начинает корчиться, будто в агонии.

Вне себя, Хельга вскакивает, прыгает к ложу и пытается ослабить петлю, но волосы ускользают и начинают спутывать ей руки. Ничего не выходит, а у Сувор уже стекленеют глаза! В отчаянии, она изо всей силы откидывается назад, увлекая за собой ложе и любовную пару. Всё с грохотом летит на пол.

Хельга падает на бок, больно ушибив локоть. Лилит мгновенно вскакивает и вскидывает свои волосы как черный бич. У Хельги кружится от падения голова, но в ней вдруг проясняется. Это не актриса! Не медли!

Она поспешно встает на колени, а слова будто сами льются с языка:

– О, Владычица, прости меня! Оставь немного и мне. Это мой мужчина, и мне жаль его потерять.

Лилит задерживает руку с бичом. На губах появляется улыбка презрения и торжества. Не говоря ни слова, она протягивает другую руку, и Хельга поспешно целует ее. Будто холодный огонь пронизывает ее тело, и все плывет перед глазами.

Когда видит яснее, Лилит уже нет. Хельга в испуге хлещет Сувор по щекам, а по ее собственным текут слезы. Наконец Сувор моргает, и взгляд становится осмысленным.

– Дурак! – кричит она, и напоследок дает еще одну оплеуху. – Сейчас бы валялся трупом, со слюнявым ртом! Сколько таких уже было!..

Конечно, Сувор ее не простил. Но и убить не мог – это запрещено под страхом смертной казни, а на дуэль женщин не вызывают. Только она сама, если захочет...

Они вернулись в солнечный свет. Хельга достала из сумочки платок и промокнула лоб.

– Ненавижу эту смесь мистики и секса. Вот с тобой был простой и здоровый секс. Ты меня хотел, и я с удовольствием откликнулась. Разве тебе было плохо?

– Нет, – пожал плечами Метельский. – С тобой лучше, чем с Аэми. Ты более... живая.

Хельга резковато рассмеялась.

– Уж наверное. Но вообще-то у тебя должно быть полно женщин.

– Хватало. Когда хотелось секса, летал в Барнаул, да и в Москве немало встречался. Но одних интересовали лишь удовольствия, а других деньги, и никто надолго не задерживался.

– Да уж, – вздохнула Хельга. – Да и тебе вряд ли захочется связывать себя... Давай в отель, устала от жары, а местные достопримечательности что-то однообразны.

Пообедали в прохладном ресторане, повалились на роскошной, с балдахином, кровати. От простого и здорового секса Хельга, похоже, не уставала, а Метельский не возражал. Потом заказали в номер вина и поглядели новости.

В Иерусалим нечего было соваться: беспорядки разрослись, и до военных действий не дошло только из-за отсутствия у враждующих сторон армий. Но они спешно воссоздавались: армия Израиля и бывшей Исламской конфедерации. Мадос выступил с увещеваниями, но какими-то вялыми.

– Он давно к этому готовился, – с зевком сказала Хельга. – Хочет властвовать, а власть пресна без насилия. Нас в легионе давно к этому готовили.

– А как ты оказалась в этом легионе? – спросил Метельский.

Хельга передернула плечами. Белые, округлые, соблазнительные даже после недавних утех.

– Да по глупости, захотелось приключений. – Все же она как будто замялась, но у Метельского уже неудержимо слипались глаза...

Он очнулся от холода, в полной темноте. Протянул руку в сторону, где лежала Хельга – ни ее, ни постели, холодная гладкая поверхность. И ягодицы сводит от холода – похоже, он лежит голый на металлическом полу.

Что за хрень?

Он с трудом встал. Шатнуло, но побрел наугад. Почти сразу наткнулся на стену – похоже, и она из металла. Не отрывая руки, пошел вдоль нее – угол. Опять вдоль стены. На этот раз ударился голенью о что-то твердое, и чуть не взвыл от боли. Нагнулся и ощупал – похоже на низкую металлическую койку, на ней тюфяк. Пошел вдоль стены дальше – раковина с кранами. Во рту гадкий вкус, так что открыл кран и напился холодной воды.

Опять ощупью вдоль стены – угол. За ним что-то вроде двери, но без ручки. Дальше... Снова ударился больным местом, и на этот раз выругался в полный голос. Ощупал – унитаз.

Все ясно, он в камере. Должно быть, что-то подмешали к вину, отсюда и мерзкий вкус во рту. Скорее всего, это легион – Хельга недооценила его. А кстати, где она сама?

«Сивилла, вызови Хельгу».

«Связь невозможна, Лон».

Да, влипли. Вдобавок тошнит и ноги подкашиваются, наверное от этого зелья. На ощупь добрался до койки и лег. Стало чуть легче, тошнота прошла, только колотило от холода. Метельский нащупал у стены хлипкое одеяло, закутался в него, и стало немного теплее. Да, это тебе не «Хилтон». Тюрьма легиона? Возможно, и наверное таких немало. Кое-кто развил бурную деятельность, пока он сибаритствовал в своей усадьбе на Телецком озере.

Медленно посветлело, мертвенной зеленью налился потолок. Вокруг голые стены. Дверь медленно открылась, и в проем въехал полицейский робот.

– Следуйте за мной, – произнес он жестким голосом.

Приходится кое-как встать, иначе без долгих церемоний начнет хлестать болевыми рядами. И идти следом – робот, не разворачиваясь, катит обратно. А зачем разворачиваться, у него четыре глаза вокруг головы. В коридоре такой же сумрачный зеленоватый свет и холодно. Сволочи, даже обуви не дали, вынужден шлепать по металлическому полу. Однако препираться с роботом бесполезно. К счастью, идти недолго.

Некое помещение, круглая лампа на потолке, свет ярче, но тоже зеленый. В центре пола что-то вроде лежанки из нержавеющей стали.

– Лечь на спину! – приказывает робот. Из корпуса выметывается щупальце и срывает с плеч одеяло. Метельский пытается удержать его, но тело скрючивает от болезненного укола, словно ужалила пчела.

– Лечь! – повторяет робот.

Приходится забраться на лежанку, холодный металл обжигает плечи и ягодицы. Робот откатывается в сторону, а следом в стене открывается дверь и входят две женщины в белых халатах. За ними катится столик с какими-то медицинскими принадлежностями.

– Выполнять все указания! – предостерегает робот.

Уже понятно, что предстоит. Одна женщина перетягивает руку жгутом, а другая вгоняет в вену шприц. Лица трупно-зеленые, глаза пустые. По прозрачной трубке начинает струиться кровь, а тело все больше наливается холодом...

Очнулся в камере: лежит на койке, накрытый одеялом, однако продолжает бить озноб. В тусклом свете видно, что к постели придвинут столик, а на нем бокал с каким-то питьем и тарелка, как будто омлет.

С жадностью пьет, а потом ест, хотя голову приподнять трудно, да и руки трясутся. Видимо, крови из него выкачали немало. Прав был Кай: «Эта кровь кое для кого имеет большее значение. И вам тоже лучше оставить этот мир». Только куда он теперь денется, так и сохнет в этой клетке. И что с Хельгой?..

Он пытается сесть, но не выходит. Камеру все так же освещает тусклый зеленоватый свет. Думай!

Кто сконфигурировал «Сивиллу»? Как она сама сказала, бывший сенатор Илья Варламов. Про него смутно помнится, что организовал заговор против Мадоса и был казнен. И еще «Сивилла» сказала, что она в постоянной связи с неким особым сектором «Кводриона». А если проверить, насколько эта связь постоянна?

Он сглотнул. Во рту опять сухо – хорошо, что не надо говорить вслух.

«Сивилла, мне нужно переговорить с Хельгой. Я боюсь за ее жизнь. Ты ведь можешь использовать некие особые возможности Кводриона».

Сивилла некоторое время молчала.

«Опасная для жизни ситуация, – наконец сказала она. – Доступ предоставлен. Связь будет идти через интрасеть».

Что за интрасеть? Но неважно.

«Хельга, слышишь меня?».

«Да, Лон. Как ты связался со мной, у меня трансид словно умер?»

«Неважно. Я как будто в тюремной камере. А ты? И есть догадки, что произошло?»

«Извини, Лон. Я была очень наивной. Нас отследили, и я уже имела удовольствие пообщаться с Сувором. Нет, пока он меня не насиловал. Только потешился, плевал в лицо и хлестал по щекам. Но все впереди, я больше не его сослуживица. Сейчас я тоже в камере».

«Вот сволочь!»

«Лон, если у тебя есть какая-то связь... не представляю, как это возможно... позвони по этому номеру, я сейчас продиктую. Скажешь всего три слова: Хельга, Рагнарок и Багдад. Диктую номер...»

«Сивилла, запомни. А что...»

«Всё, Лон. Дверь открывают».

Наконец удается сесть на кушетке, трясет не только от холода, но и ненависти. Над Хельгой издеваются, а он ничего не может сделать! Будь это обычная полиция, но здесь деньги не помогут. Ладно...

«Сивилла, звони по только что полученному номеру».

«Связь установлена, Лон».

Молчание, и как будто потянуло холодом.

– Хельга. Рагнарок, – с трудом выговорил Метельский. Что означает это слово? – Багдад.

– Принято, – прозвучал в ответ бесплотный голос. – Конец связи.

Ну и что будет дальше?

Нет сил сидеть, он ложится, с облегчением откидывает голову на тощую подушку и постепенно погружается в сон. Он идет по некому темному коридору, ледяной ветер пронизывает насквозь, а навстречу летят кричащие черные птицы... Пробуждается – вокруг опять зеленоватая полутьма – и погружается в сон снова. Теперь виден выход из коридора, за ним серый туман и какой-то темный замок над ним... Опять зеленый сумрак. Он то засыпает, то просыпается, а замок все ближе...

– Встать! – Зыбкий сон улечивается. Приподнимает голову: перед койкой опять полицейский робот. Метельский спускает ноги на пол – голова кружится, и встать не выходит. Сейчас опять уколёт каким-то ядом!

Но робот медлит, а спустя некоторое время те же две женщины завозят в камеру каталку. С неженской силой перекалывают на нее Метельского. Снова коридор – почему так сумрачно, экономят на освещении? – и снова помещение с металлической лежанкой...

Очнется ли он в этот раз?

Дверь вдруг с грохотом разлетается на куски. Врывается какой-то гигант с огромным топором в руках. Робот почему-то не стреляет, а устремляется к ворвавшемуся, растопырив металлические щупальца. Сила в них невероятная, робот способен запросто отшвырнуть в сторону глайдер... И наверное, с не меньшей силой на голову робота опускается топор, расплющивая ее. Туловище оседает на пол. Женщины визжат, прижимаясь к стене.

В помещение вбегает другой человек – этот не такого богатырского сложения, но тоже обладает огромной силой: он хватает Метельского и зажимает его под мышкой. За поясом тоже топор, хотя поменьше. Гигант устремляется к выходу, а его соратник следует.

Их пытаются задержать! В зеленоватом свете видно, как несколько человек пятятся по коридору – почему-то тоже не стреляя, а махая какими-то алебардами. Но что могут алебарды против чудовищного топора? Раздается лязг, дикие вопли, в стороны летят обломки металла и отрубленные руки. Мимо пролетает и голова, оросив фонтанчиком крови.

Метельский едва может дышать, а тот, кто его несет, пинками отшвыривает изрубленные тела. Скатываются по лестнице, пробегают какой-то зал, и вдруг оказываются при свете дня. На площадке стоят два транспортных хове́ра, вокруг тоже разбросаны трупы.

Снова все меркнет...

Очнулся от холода в руке. Лежит на диванчике, в руке опять торчит игла, и по трубке стекает какая-то прозрачная жидкость. Он дергается, но рука зажата металлическими скобами.

– Спокойно, милый! – Светлые волосы Хельги касаются его лица, она целует его в щеку и отодвигается. – Всё позади. Мы вводим внутривенно питание и препараты для активизации кроветворения. У тебя большая потеря крови. Ничего, скоро прилетим домой и сделаем переливание. Здесь у нас нет нужной группы.

Прилетим?.. Ну да, он в хове́ре – за окошками плывут облака. Впереди раздвигается перегородка и выглядывает давешний гигант. Белокурый, как и Хельга, а руки похожи на брёвна. Он что-то говорит – да это по-немецки!

– Мы действительно устроили им Рагнарок! Давно не было так весело.

– Скучал, Рогволд? – улыбается Хельга. – Ничего, наступают веселые времена. Но не говори так громко, а то мой спутник опять уплывет. Для него такое в новинку.

Хотя голова и в самом деле будто плывет, Метельский облизывает губы и хрипло спрашивает:

– Что это было? Секира, алебарды, какой-то потусторонний свет?

– Мы были в стасис-поле, милый. Это защита, которую легион применяет в своих тайных убежищах. Ну, не совсем стасис-поле, там жизнь вообще невозможна, но некое приближение к нему. Я в этой заумной физике не разбираюсь. Не действует ни огнестрельное, ни лучевое оружие, а скорость передачи импульсов в нервной системе едва достаточна для поддержания жизни. Эффективно только холодное оружие, вот почему нас обучают владеть им. Но не одни легионеры это умеют. Таких, как Рогволд, там вообще не найти.

Гигант довольно осклабился, а Хельга покачала головой:

– Вот почему меня потрясло, что ты сумел выйти на связь. В стасис-поле такое невозможно.

– Это не я, опять Кводрион... – Тут же прикусил язык, не стоит болтать при посторонних, просто голова еще ненормальная. Но Хельга только усмехнулась.

– Никто и не ожидает от тебя сверх способностей. Просто, как я сказала, за тебя похода-тайствовал кто-то очень влиятельный. Ну и мне повезло, а то расстреляли бы, как шпионку.

Метельский поморгал:

– Ты что, шпионка?

– Ага, – весело сказала Хельга, – но теперь меня раскрыли. Надо было сразу рвать когти, есть у вас такое забавное выражение. Только не хотелось прерывать наше путешествие, оно вышло таким приятным.

– Вряд ли оно уже закончилось, – пробормотал Метельский. И снова провалился в сон...

Он проснулся в Асгарде.

Смутно помнилась палата, где ему переливали кровь, делали еще что-то. Сейчас он лежал в постели, совершенно голый, только на бедра накинута покрывало. Помещение заливал ровный холодный свет, а рядом посапывала Хельга – тоже нагая, до пояса прикрытая легким одеялом.

Метельский сел на постели – голова не кружится, и вроде чувствует себя как обычно. Встал на ноги, тоже нормально. Поискал тапки, но их не было, и подошел к окну босиком.

Снега! За странной оградой – грубые металлические копыя между щитов – заснеженная долина, куда спадают белые склоны гор. Над ними стоит неяркое солнце. Справа и слева какие-то постройки, но их не разглядеть.

Какое-то движение поймало взгляд, и Метельский повернул голову. Большая черная птица сидит на жердочке, кажется ворон. Посмотрел одним глазом и снова нахохлился.

Метельский вернулся к постели. Похоже, он на севере, в окрестностях его усадьбы снег выпадал пока только в горах. Надо бы одеться, а то прохладно. Метапояс куда-то делся, наверное так и остался в Вавилоне или Багдаде. Однако на вешалке возле двери оказалась одежда – грубоватая, из кожи. Кожаные штаны пришлось натягивать на голое тело, но не бегать же неизвестно где в поисках трусов и майки? И рубашка из кожи, но более тонкой выделки. Из обуви только сапоги, на два размера больше, чем нужно. Рядом стоят сапожки поизящнее, наверное Хельги.

К стене придвинут столик с кувшином, и Метельский налил полную кружку, пить хотелось ужасно. Пиво! Темное, плотное, и, хотя не любитель пива, выпил все целиком. В голове слегка зашумело, и жизнь стала казаться более сносной.

Хельга открыла глаза, потянулась и положила руки под голову. Грудь приподнялись.

– Доброе утро, милый. Всё, как я мечтала: проснуться в Асгарде, а вокруг снега. Так надоела слякоть... И не глазей на меня, тебе еще пару дней нельзя. Тебя вытащили с того света.

– Что за Асгард? И что, собственно, произошло?

– Ты запросил помощь, а в этом случае не отказывают и не медлят. Два десантных хопера, штурмовой отряд. Место определили по последней отметке моего трансда, пока он еще не вырубился. Опустились в экранирующем режиме, ну а внутри статис-поля стали крушить всех секирами. Сразу выпустили моего ворона, он стрелой ко мне. Птицы каким-то образом ориентируются даже в стасис-поле. Ну а я крикнула, чтобы освободили тебя. В легионе эту бойню надолго запомнят.

– Вот это да! Будет сюжет для новостей.

– В них ничего не появится, милый. Это внутренние разборки, две конкурирующие организации, выживает сильнейший. А что такое Асгард? Город богов. Один чудаковатый миллиардер, вроде тебя, построил селение для любителей древнегерманской мифологии. Ну, они и стали стекаться. Но сейчас Асгард уже нечто большее.

– А где он находится? Это как будто север.

– Милый, о деталях я умолчу. Ко мне и так будут относиться с подозрением: сплю с тобой, а ты темная лошадка. Но это действительно в северной Европе.

– А в этом городе богов найдется мужское белье? Или хоть метапояс?

– Воздушную одежду здесь не используют, все должно быть натуральное, как в древности. Ты сейчас неплохо выглядишь, будто настоящий викинг. Но бельишко я поищу, это в моих же интересах, а то натрешь себе кое-что, – и Хельга хихикнула.

Да, Хельга не церемонится. Но от этого даже уютнее. Совсем другая, чем изысканно-вежливая Аэми. И другие женщины, что попадались, все слишком предсказуемые. А сейчас у него любовница – шпионка из Асгарда! Метельский улыбнулся.

– Ты чего? – подозрительно спросила Хельга.

– Так, ты мне нравишься.

Хельга моргнула.

– Пойду, принесу овсянки. Тебе сейчас полезно, милый.

Поднялась, накинула легкий халатик и вскоре вернулась с полной тарелкой. Метельский поморщился, но с пивом оказалось сносно.

– Всё, как доктор прописал, – улыбнулась Хельга. – Еще лучше свежая кровь, но ты не настолько плох. Кухонька здесь маленькая, это апартаменты для временного проживания. А пообедаем в другом месте.

Она скептически оглядела Метельского.

– Знаешь что, пойдем вместе. Тут не принято долго валяться в постели.

Стала одеваться, тоже кожаные штаны и куртка с меховым капюшоном. Метельский забежал в маленький туалет, набросил подобную же куртку, и вышли в коридор. Бревенчатые стены, увешанные холодным оружием, а вниз ведет деревянная лестница. Сошли по ней и оказались снаружи.

Площадь припрошена снегом, в центре большое здание, а вокруг двух и трехэтажные, наподобие того, из которого они вышли. На первых этажах как будто кафе, магазинчики, через сотню метров зашли в один.

– Привет, Магда! – улыбнулась Хельга невысокой темноволосой женщине. – Давно тебя не видела. Это Лон, мой спутник. Надо его приодеть: белье, сапоги по размеру. Только пусть раздевается в кабинке, под штанами ничего нет... – она запнулась и прыснула. – В смысле, ничего не надето. Некогда было размениваться на мелочи.

– Это жена Рогволда, – обернулась она к Метельскому, – держит магазин мужской одежды. Весьма популярна, но заигрывать с нею остерегаются, муж настоящий берсерк⁸.

Магда проводила в нужный отдел, а там управился сам. Потом обе женщины помогли подобрать сапоги: ботинки или туфли здесь, похоже, были не в моде.

– Оружие подберешь сам, – сказала Хельга. – Хотя кажется, ты не любитель всяких железок.

Расплатился через «Сивиллу», опять попросив скрыть факт оплаты. Хельга вздохнула:

– А мне придется заблокировать трансид, разве что разговоры с тобой. Как бы и мне подольститься к Кводриону? Жалко, что он не мужик.

Пошли по площади, встречные были одеты вроде Метельского, многие с оружием.

– Не ввязывайся в ссоры, – предупредила Хельга. – Здесь тоже популярны дуэли, а махать мечом ты вряд ли умеешь. Конечно, вылечат, даже отрубленные руки приживляют, но застрянем надолго.

Посмотрели учебную арену, где как раз махали мечами, потом музей древнескандинавских богов. Поднялись на смотровую площадку высокой деревянной башни, и стало видно, что Асгард стоит в долине между горами. Долина сужается в сторону более высоких гор, хотя до Катунского хребта им далеко. За отрогом видны еще какие-то строения.

⁸ Берсерки, или берсеркеры (др.-сканд.) – воины из древнегерманской и древнескандинавской мифологии. Отличались неистовостью в сражениях.

– Трудней, – пояснила Хельга, – что-то вроде военной базы. Асгард, по сравнению, мирное селение, хотя и несколько милитаризован.

– Странно, – удивился Метельский. – Я думал, про войны забыли. Два столетия мира, разве только стычки с хэ-ути, но и это было давно.

– Многим дворцов наслаждений мало, хочется чего-нибудь поострее. Или потустороннего, – Хельга передернула плечами, – или крови. Конечно, есть игры, но они только разжигают аппетит.

– Неужели за вылазку в Багдад вам ничего не будет? Ведь погибло, наверное, с десяток человек.

– Тринадцать, – гордо сказал Хельга. – Один Рогволд зарубил семерых. Жаль, что Сувор куда-то смылся. А нам... могут попытаться отплатить, той же монетой. И тоже холодным оружием. Так что расслабляться нельзя.

Спустились с башни и пошли обедать. Хельга заставила Метельского есть полусырую печенку, опять запивая пивом.

– Небось, Аэми кормила тебя изысканнее, – усмехнулась она, – но у тебя задача быстрее вернуться в боевую форму. Жду, не дождусь.

После плотного обеда Метельского разморило, и вернулись в апартаменты.

– Поспи, – сказала Хельга. – Я не буду ложиться, вдруг захочется чего-нибудь. Лучше кое с кем пообщаюсь.

Метельский заснул как убитый, а когда проснулся, за окном синели сумерки. Хельга сидела у окна и кормила ворона. Тот громко щелкал клювом по подоконнику, а Хельга посмеивалась и порой ерошила громоздкой птице перья.

– Вот так и живем, – сказала она. – Большинство бездельничают, однако кое-кто подает надежды. Скоро пойдем на пир. Посидим за столом, но вообще тебя хотел видеть Адольф. Ты как будто пришел в норму.

Метельский зевнул. – А кто это?

– Адольф Гунтер, наш вождь. Поговаривают, это тот самый, кто едва не захватил власть над миром в двадцатом веке. У нас верят, что павшие воины не только пируют с валькириями⁹, но порой возвращаются в новом теле. Теория реинкарнации.

– Гм, – сказал Метельский. – Круговорот, колесо сансары. Кто-то вырывается из него, а кто-то продолжает крутиться дальше.

– Надо же, – удивилась Хельга, – не одни студентки были на уме.

Когда вышли на улицу, уже стемнело.

– Здесь темнеет раньше, чем на Алтае, – сказала Хельга. – Северные широты. А ты постоянно там живешь?

– Нет, в основном летом. В остальное время больше в Москве-2 или Канаде. Там тоже есть имение, но мое только на треть.

– В общем, без крыши над головой не остался, – ехидно заметила Хельга. – Везет же некоторым.

– Главное, саму бы голову не потерять.

Под ногами хрустел снежок, и в свете стилизованных под факелы фонарей место выглядело таинственно: темные арки, островерхие крыши. Остановились перед большим зданием с узкими стрельчатыми окнами.

– Дворец Одина¹⁰, – сказала Хельга. – Конечно, его самого тут нет. Здесь пиршественная зала, помещение для собраний и прочее.

⁹ Валькирия (др.-исл. – «выбирающая убитых»), в скандинавской мифологии дочь славного воина или конунга, которая реет на крылатом коне

¹⁰ Один (др.-сканд.) – верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов

К крыльцу со всех сторон подходил народ, поднялись со всеми в высокие сени. Хельгу хлопали по плечам, а порою значительно ниже, и пару раз она ответила оплеухой.

– Это в порядке вещей, – сказала она, раскрасневшись. – Не будь тебя, и не такое себе позволили. Приходится кое-кого ставить на место.

Вошли в зал с высоким потолком, по стенам светильники в виде факелов. Большой стол, вокруг него деревянные стулья.

– Всё под старину, – сказала Хельга. – Только приглашения рассылают через трансиды, а то мест на всех не хватит.

Верхнюю одежду и оружие вешали на вбитые в стены крюки, шумно садились. Особого порядка не наблюдалось, но во главе стола остались свободными три стула.

– Для вождя и его гостей, – объяснила Хельга. – Кстати, сегодня мы гости. Но садиться там пока рано, посидим на скамье.

Сели на тяжелую, похоже из дуба, скамью у стены. Распахнулись двери в конце зала, и скудно одетые девушки стали вносить блюда. Двое протащили мимо целого борова на большом подносе. На них были только кожаные нащепки на груди и такие же переднички, так что голым ягодицам доставалось от мужских шлепков.

– Ничего! – фыркнула Хельга. – Зато после могут выбрать любого мужчину, и отказываться не полагается. Даже конца пира обычно не ждут, а то мужиков развезет. Среди девиц сюда настоящий конкурс, это увлекательнее, чем во дворцах наслаждений. Как тебе такие обычаи?

Метельский пожал плечами: – Да почти везде то же самое. Тут скандинавская экзотика, где-то другая.

– Гм, – сказала Хельга. – Забываю, что при таких деньгах ты, наверное, все перепробовал.

– А вот и нет. Быстро надоедает, и хочется чего-нибудь для души.

– Это Аэми, что ли? Она вообще неживая.

– Аэми очень изысканна, в нее заложен профиль классической японской культуры. Жаль, если с нею обошлись грубо. Но знаешь... ты меня увлекаешь больше.

Гм, – опять сказала Хельга и помолчала. – Только вот изысканности от меня не жди.

Раздалась громкая музыка – «Полет валькирий» Вагнера. Открылась дверь позади трех стульев, и вошел мужчина среднего роста, с небольшими усиками. Все встали и зааплодировали. Следуя Хельге, Метельский тоже встал.

Мужчина повел рукой, сел на центральный стул и поманил Хельгу с Метельским. Все опять стали садиться, застучали кружки.

– Приветствую, мой вождь! – сказала Хельга. Коснулась губами руки мужчины, и села справа от него. Метельскому досталось место слева.

– Здравствуйте, – представился он. – Метельский, Лон.

Было непонятно, протягивать ли руку, поэтому просто сел.

– Зовите меня запросто, Адольф, – сказал мужчина. Голос резковатый, лающий. – Мне докладывали о вас. Это безобразие, что при Мадосе такое творится. Впрочем, он обманщик и узурпатор. Получил власть в результате подлога, что доказал еще полвека назад сенатор Варламов, и мне приятно встретить его родственника. Вокруг меня собираются те, кто на дух не переносит Мадосу и его шайку. Бедняжке Хельге пришлось забраться в осиное гнездо, чтобы мы узнали их замыслы.

Подошли сразу три девицы, эти в скромных туниках. Поставили тарелки с рыбой, бокалы, налили вино.

– Рекомендую, белое рейнское с моей бывшей родины. Изумительно сочетается с горной форелью. Рыбу я иногда ем, хотя предпочитаю вегетарианские блюда. Но здесь они не популярны.

Хельга подняла бокал: – Будь здоров, вождь!

Вокруг стола заорали: «Хайль вис!»¹¹, хотя чокались в основном кружками. Некоторое время ели молча, вкус действительно изумительный. Адольф ел мало, вино отхлебывал понемногу.

– Как мне сказали, вас вызволили из Багдада. В тех местах начинается буча. Мадос коварен, одной рукой поддерживает евреев, разрешив им восстановить храм Соломона, а другой подзуживает арабов. Я думаю, его цель – снова сделать евреев козлом отпущения. Что бы не заявлял, он не любит их за упрямство: ни универсальную религию не приняли, ни его как верховного наставника. А вот чтобы создать благовидный предлог для войны, вполне сойдут. Хитро задумано, восстановить против евреев почти два миллиарда мусульман.

– Вы думаете, начнется война? – спросил Метельский.

– Несомненно. Мужчины устали от мира, вот у нас постоянные поединки. Я не запрещаю, но допускается только холодное оружие, и смерти редки. Надо готовить бойцов, а не разбрасываться ими.

– Извините... Адольф, против кого вы собираетесь выступить?

– Против Мадоса, конечно. Его не признает треть населения Земли, и я соберу всех недовольных. А еще против этих наглых захватчиков, хэ-ути. Мадос сюсюкает с ними, предоставляет всякие льготы, а человечество тем временем превратилось в аморфную массу. Надо заново воссоздать арийскую расу, которая примет на себя руководство обычными людьми. В этом мое коренное отличие от Мадоса: он деспот, а я готов разделить бремя власти с тысячами и миллионами достойных людей.

– Тебе надо послушать вождя, когда он выступает в зале собраний, – вставила Хельга. – Его слушают как замороженные. За то, чтобы ваши планы сбылись, вождь!

За столом опять ответили нестройным «Хайль вис!», и пирушка продолжалась. Стало заметно, что за столом становится меньше людей: порой девушка в кожаном передничке недвусмысленно прижималась к какому-нибудь гостю, и парочка уходила. Хельга усмехнулась:

– Те, кто хотят служить в Асгарде, проверяются по расовому признаку и еще желательно аннулировать прививку от беременности. Всё для умножения арийской расы. Однако о детях очень хорошо заботятся, матери могут общаться с ними, сколько угодно, да и забрать в семью. Будь ты один, милый, тебя уже увели.

Девушки в туниках вели себя скромно, и по окончании трапезы подали чаши с простой водой.

– Не вздумай пить, – шепнула Хельга. – Это для омовения рук, как на древнегерманских пирах.

Когда сполоснул руки и озирался в поисках полотенца, девушка проявила неожиданную вольность, наклонилась и вытерла ему руки своими длинными волосами. Хельга фыркнула:

– Вот теперь можешь взять ее за руку и отвести в боковые комнаты. И я даже зарезать тебя не имею права, это древний обычай гостеприимства. Однако гостей не принуждают.

– Спасибо, – неловко пробормотал Метельский, а девушка насмешливо улыбнулась и отошла.

Похоже, Хельга хотела что-то сказать, но покосилась на Адольфа и промолчала. Тот встал.

– Продолжайте пир без меня, – сказал он гостям. И, обернувшись к Хельге, добавил: – Через полчаса заходите оба ко мне,

Ушел, а вскоре Хельга потянула Метельского в коридор.

¹¹ Древнегерманское приветствие – «Да сохранишь ты себя в целостности и сохранности» (Прокопий, «История готов», прим. 555 г.)

– По тебе было видно, что повелся на ту девицу, что вытерла волосами руки. Она явно обиделась, что не увел с собой. – Хельга кивнула на двери по другую сторону коридора, откуда доносились недвусмысленные охи и стоны.

– Валькирии улаживают уставших от битвы воинов. Конечно, битвы не было, но улаживают по-настоящему.

– Просто вспомнил Аэми, – пробормотал Метельский. – Она тоже проделывала этот фокус с волосами, только обтирала все тело.

Хельга передернула плечами: – Воображаю, где она заканчивала. А ты, оказывается, довольно развращен. Впрочем, могла сразу догадаться, когда увидела ту красотку.

Метельский обиделся: – Ну, извращений не было, с Аэми такое в голову не приходило. Но репертуар у нее большой. А еще танцы, чтение стихов, чайная церемония...

– Даже глаза заблестели, – вздохнула Хельга. – Где уж мне, простушке из сельского пояса? А еще я слышала, богатенькие часто развлекаются, мучая рабынь-андроидов. Хотя это удовольствие не из дешевых: нужно, чтобы искусственная девушка плакала, кричала и истекала кровью.

– Мне такое отвратительно, – сухо сказал Метельский. – Аэми совсем как живая.

– Только куда более изощренная. Слышала я, сколько такие стоят... Ладно, нам пора к шефу. Все занят стратегическим планированием.

Поднялись по лестнице на второй этаж, постояли перед темно-коричневой, похоже дубовой дверью.

– Глубинное сканирование, – пояснила Хельга. – На Адольфа уже были покушения, хотя странно, кому он мешает?

Дверь беззвучно отворилась, и вошли. Сумрачный кабинет с высоким потолком, на стенах поблескивает оружие. В центре большой глобус, возле него в простом деревянном кресле – Адольф.

– Присаживайтесь, – он махнул рукой на стулья, тоже возле глобуса. – Конечно, проекция удобнее, но порой хочется тряхнуть стариной.

Сели, стулья не очень удобные и тоже деревянные. Действительно, от обстановки веет глубиной стариной.

– Извините, Лон, – продолжал Адольф, – но Хельга рассказала о ваших приключениях. Ну, почти всех. Она должна была сделать это по службе, а я потом посоветовался со специалистами. Ничего умного они не сказали. Что за особая кровь у рода Варламовых и какие возможности она открывает, они в полном недоумении. Несколько кубиков взяли у вас на анализ, когда переливали свежую, но вряд ли исследования что-то дадут... Кроме исхода из Катуньграда, нам известно еще несколько подобных случаев. Куда отправлялись беглецы, и как они это сделали – тоже непонятно... Самое любопытное, про эту атаку п'ургов. Хэ-ути все чаще используют своих боевых роботов, хотя Мадос заверял, что такого не допустит. Кто учинил им такой разгром, и какое оружие было применено – тоже загадка. Отрадно, что у Мадоса есть такой могущественный противник, но пока загадок больше, чем ответов. У вас есть соображения на этот счет?

А вот тут осторожнее! Он не на службе у Адольфа, и вообще неизвестно, что от него ждать?

– Никаких, – сказал он. – Жил спокойно в своей усадьбе, и вдруг на голову свалился этот легион.

Адольф хмыкнул: – Да, Хельга говорила, что вы жили с комфортом. Еще любопытно, про вашу особую связь с Кводрионом. Установить связь из стасис-поля!.. Но Хельга полагает, что это относится только к вам. О ней Кводрион не слишком заботился, и ее легко отследили по меткам от трансиды. Хотя это можно сделать и без Кводриона, еще в двадцатом веке такой способ использовали для слежки за населением.

– Думаю, Хельга права, – осторожно сказал Метельский. – Я лишь недавно узнал, что мой трансид в состоянии использовать некие особые возможности Кводриона. Об этом как будто позаботился бывший сенатор Илья Варламов, еще полвека назад. Я его родственник, хотя тут довольно запутано.

Слишком скрытничать не стоит, это тоже вызовет подозрения.

– Да уж! – присвистнул Адольф. – Государственный преступник. Он вел какую-то борьбу с Мадосом, однако потерпел поражение... Но значит, вы не можете по своему желанию управлять Кводрионом?

– Нет. У меня сложилось впечатление, что он будет помогать только мне. Как бы выплачивает некий старый долг.

– Жаль-жаль. Вы бы пригодились в противостоянии с Мадосом. Так трудно подобрать надежных людей. Большинство изнежилось и не вспоминает о долге перед человечеством. – Он глянул на Хельгу, и та что-то заерзала. – Ладно, не стану вас задерживать. Приятной ночи в Асгарде.

Когда спустились и шли по коридору. Метельский заглянул в отворенную дверь пиршественной залы. Народа уже меньше, зато шумнее, слышны пьяные возгласы. Девушек не замечалось.

– Умаялись, бедные, – Хельга тоже глянула в зал. – И блюда подавать, и мужиков ублажать. Сейчас отдыхают, от мужиков все равно больше проку нет.

Вышли во двор, освещенный фонарями, снег приятно хрустел под ногами.

– Как тебе, Адольф? – спросила Хельга. – Вот тебе и союзник, если хочешь разобраться с Мадосом. Только зря ты с ним откровенничал, будет теперь прикидывать, как использовать тебя в своих грандиозных планах. Хотя и помалкивать опасно, твои мысли все равно считают. Раньше, как рассказывают, рогны могли прикрыть ментальным щитом, но сейчас для этого нужна сложная аппаратура, с собой не унесешь.

Метельский пожал плечами: – Не хочу, чтобы меня как-то использовали. Пока присмотрюсь.

Хельга только покачала головой. В апартаментах хмуро поглядела на кровать, а потом стащила с нее один матрас.

– Будешь спать на полу, милый. Тебе надо восстанавливать силы, а то боюсь, что тебе скоро понадобятся.

Метельский сильно устал и заснул сразу, но ночью проснулся. В окне висел серебряный диск луны. Хельга сидела у подоконника, и по ее волосам стекал платиновый свет. На подоконнике нахохлился черный ворон, и возникло странное впечатление, словно двое безмолвно беседуют...

Когда проснулся, отдохнувший и свежий, был уже день. Хельга сидела в кресле перед столиком, и критически оглядела его.

– Кажется, ты в норме, и двух дней не понадобилось. Умывайся и поешь, хотя овсянка уже остыла.

Похоже, кулинарные изыски были у Хельги не в почете. Но Метельский ел с аппетитом, тем более что снова можно было запивать пивом.

– Форели, или там кабана сможешь поесть на пиру. Только боюсь, тебя быстро уведут. Вряд ли мы на сей раз будем почетными гостями, а отказать девушке-валькирии ты не вправе – это выставить себя на посмешище. Мне-то что останется?

– Ну, вечером поглядим. – легкомысленно сказал Метельский. Тут же одернул себя, но, как видно, пиво сказывалось.

Впрочем, Хельга была не слишком задета.

– Вот мечтала, – вздохнула она, – вернусь в Асгард, покатаюсь на лыжах, побуду девушкой-валькирией на пирах. Я и поездке на Алтай обрадовалась, потому что там можно поездить на лошадях и покататься на лыжах. В секреты той миссии меня не посвятили.

– А сейчас можно покататься на лыжах? – спросил Метельский. Было еще неловко, и хотелось сделать Хельге что-то приятное.

– Ага! – радостно сказала Хельга. – Пошли!

Недалеко за оградой поднимался холм, один из склонов был расчищен от леса, так что получилась горнолыжная трасса. Имелся подъемник и пункт выдачи снаряжения. Уже вскоре они поднялись на вершину холма, поглядели на белые застывшие волны гор и понеслись вниз в облаках снежной пыли.

У подножия Хельга со счастливым и порозовевшим лицом оперлась на лыжные палки, но вдруг выпрямилась. Чуть погода вздохнула:

– Шеф зовет, не дает пожить спокойно. У нас свой ИИ по имени «Один» и своя сеть, так что разговаривать относительно безопасно.

Сдали лыжи и ботинки, опять отправились на центральную площадь, а там ожидали два стандартных ховера – три сиденья впереди, три сзади и багажный кунг.

– Дежурный облет окрестностей, – сказал Адольф. Он был в куртке какого-то форменного образца и фуражке. – Нашему гостю будет интересно. Садитесь вперед, Лон.

Не так уж интересно, однако Метельский возражать не стал. Забрался в ховер, а сзади его приветствовал Рогволд. Хельга устроилась рядом с ним, и места там уже не осталось. Адольф сел возле Метельского, ничуть его не стеснив.

Пилот поднял ховер, и внизу поплыли лесистые долины, холмы со скальными выступами, справа блеснул сглаженный горный хребет. Походило на зимний Алтай, хотя рельеф спокойнее. Второй ховер следовал.

– В давние времена здесь с гор стекали ледники. – сказал Адольф, – Кое-где еще остались, но я хочу показать другое место, один горный цирк.

Миновали два боковых отрога и полетели над корытообразной долиной, когда-то выглаженной ледником. Редкий лес, несколько еще не замерзших озер. Затем лес кончился, верхняя часть долины упиралась в скальный обрыв. В его нижней части темнело пятно, и возле него пилот посадил ховер.

Пятно оказалось входом в пещеру, оттуда вытекал небольшой ручей.

– Пойдем, прогуляемся, – предложил Адольф.

Они вышли, в том числе Рогволд, подобрав с пола секиру.

– Генераторы стасис-поля довольно компактны, их легко доставить на ховере, – пояснил Адольф. – Так что это на случай засады. А воздушную обстановку контролирует охрана на втором ховере.

Пошли к пещере. Адольф вошел первым и пошарил по стене. Загорелся тусклый электрический свет.

Пещера была неглубокой, в ней оказалось кое-что из мебели, но в глаза бросалась задняя стена – она тускло отблескивала металлом. Когда Метельский взгляделся, стало видно, что в нее вделан металлический круг диаметром около трех метров.

– Перед тем, как начали строить Асгард, местность обследовали, – сказал Адольф. – Тогда ничего подобного не было, обычная скала. А вот несколько лет назад случайно обнаружили, что вместо нее появился металлический круг. Нас это встревожило: такие металлические двери создают хэ-ути, чтобы проникать в наш мир. Конечно, это не дверь в обычном понимании, но каким-то образом позволяет переходить из их мира в наш.

– Слышал семейные истории, – медленно сказал Метельский, – что кое-кто из моих предков сталкивался с такими дверями. По ту сторону лучше не соваться, даже если знаешь, как.

– Вот-вот. – кивнул Адольф. – Но оттуда может последовать внезапное нападение... Ты знаешь. Хельга, – он повернулся к спутнице, которая беспокойно оглядывалась, – я был обязан помочь вам в Багдаде. И ребята хорошо повеселились. Однако боюсь, мы разворошили осиное гнездо. От надежного человека в легионе я получил информацию, что нам собираются отомстить. И это будет не схватка на секирах, а налет п'ургов наподобие того, что вы наблюдали на Алтае. Птички Мадоса, так мы их называем.

– А я, выходит, оказалась не очень надежной? – угрюмо спросила Хельга.

– Ну, – неприятно усмехнулся Адольф, – чувство долга у тебя как-то отошло на задний план. Мне бы хотелось получить информацию раньше.

– Вот оно что... – протянула Хельга и направилась к мебели.

Топчан с брошенной на него шкурой, грубо сколоченный стол, а рядом очаг из камней и куча дров. Странно... Хельга покачала головой:

– Значит, ты решил проучить меня, Адольф? Немного одиночного заключения, чтобы вправить мозги своевольной девчонке. Или не одиночного?

– Оставлять совсем в одиночестве будет жестоко, – опять ухмыльнулся Адольф. – К тому же, из вас получается неплохая пара. Рассматривай это как задание. Я дам вам оружие, вы встретите птичек Мадоса огнем, и мы тут же про это узнаем. Будет время подготовиться.

– А датчиков разве не хватит?

Адольф пожал плечами: – Они есть. Но какое-то время назад два п'урга проскользнули незамеченными. Их засекли только потому, что радар в Асгарде покрывает все диапазоны. Обыкновенные датчики не реагируют на объекты, прикрытые полем экранирования. Ну а вы окажетесь у птичек Мадоса прямо на пути.

– Ты скотина. Адольф, – с горечью сказала Хельга. – Используешь нас как живой щит.

Она повернулась к Рогволду, который маялся в стороне: – Ну, я расскажу обо всем Магде. Здоровенный мужик, а оставляет женщину на верную смерть.

Рогволд заметно передернуло, и он приподнял было секиру, но едва Адольф глянул на него, сразу сник.

– Тебе надо поучиться дисциплине, Хельга, – сухо молвил Адольф, и махнул в сторону входа. – Заносите.

Трое мужчин, видимо из второго хове́ра, внесли металлический ящик и еще какие-то предметы.

– Два десантных лучемета, – сказал Адольф, – запасные обоймы и провизия. Пить можно из ручья. Провиант и дрова будут подвозить каждые три дня и оставлять в двухстах метрах от входа. Не вздумайте удаляться дальше, я оставлю заслон арбалетчиков. Что-то маловато у меня к тебе доверия, Хельга.

Та плюнула, едва не попав ему на ботинки, и отвернулась. Адольф пожал плечами и тоже повернулся.

– Идемте! – приказал он. Вся компания направилась к выходу, последним тащился Рогволд с секирой.

Хельга плотно сжала губы и подняла одну из железок.

– Смотри, – сказала она Метельскому. – Вот флажок, сейчас поднят вверх, оружие на предохранителе. Опустить вниз, огневой режим. Вот регулятор мощности, ставлю на половину, а то могут обрушиться стены. Ну и гашетка, можно жать непрерывно, а можно прерывисто, тогда импульсы будут сильнее.

Она положила громоздкое оружие на стол, рухнула на топчан и разрыдалась.

– Ни черта это не поможет, – всхлипывая, выговорила она. – Погибнем героями, как защитники Асгарда.

Потом села и принялась промокать платочком глаза.

– А вообще, у него какой-то расчет. Видно, хочет проверить, не явится ли кто к нам на подмогу. Ну, вроде того глайдера.

Метельский вздохнул. Все это время был в ступоре, наблюдая словно со стороны, и только теперь неприятный озноб прошел по телу.

– Вряд ли, – сказал он. – Тогда помогли не нам.

Хельга зябко повела плечами.

– Холодно. Как бы не замерзнуть насмерть еще до того, как нас поджарят.

– Сейчас разведу огонь, – сказал Метельский. Он уложил дрова в очаге, и стал оглядываться в поисках зажигалки.

– Отойди, – буркнула Хельга. Она взяла лучемер и, повернув регулятор мощности, нажала гашетку. Сверкнул белый луч, и дрова занялись ярким пламенем.

– Когда будешь сам, не забывай ставить мощность на минимум. А то подпалишься.

Она села, выбрав чурбак потолще, и стала смотреть в огонь. В глазах плясали красные язычки.

– Уже вечер. Будем спать по очереди, вместе не стоит. А то выйдет хороший сюжет для наших скальдов, что-то вроде: «Они сгорели в огне любовной страсти, и их пепел смешался в погребальном костре». Поэты они никудышные.

Метельский хмыкнул: – Ну, сказано довольно поэтически. Давай, я буду дежурить первый.

– Нет, – сказала Хельга. – Ты меня избаловал, без секса долго не засну. Ложись на топчан, там оленья шкура, завернешься и будет тепло.

– Ладно. Захочешь спать, разбуди.

Метельский скинул куртку, завернулся в шкуру и действительно быстро согрелся. Кажется, что вовсе не спал, но потрясли за плечо.

– Ты так уютно посвистывал носом, что меня разморило, – сказала Хельга. – Пора и тебе подежурить. Тольконими лучемер с предохранителя, а то новички часто забывают.

Метельский подкинул дров в костер и сел на чурбак. С одной стороны потрескивало красное пламя, с другой металлическую стену пещеры голубовато освещала луна. Аэми непременно прочитала бы какое-нибудь стихотворение...

«Лон, – вдруг сказала "Сивилла". – Ты все равно не спишь, а с тобой хочет поговорить Кводрион».

Странно, обычно это люди обращаются к «Кводриону», а не он к ним.

«И что ему надо?»

«Если не возражаешь, от его имени буду говорить я. Так тебе привычнее».

Привычнее? Только недавно стал привыкать к больно умному трансиду.

«Пожалуйста».

«Наверное, Кводрион кажется тебе мудрым и всеведущим, но это не так. Скорее, он похож на большого ребенка. Возможно, это было сделано специально. Я говорю не об эмоциональных отношениях, особенно между мужчиной и женщиной, а об этической сфере. Ребенка сызмала приучают к тому, что "хорошо" и что "плохо", а у Кводриона не воспитывали навыков этического самоконтроля. Только простые запреты и долженствования, которые легко обойти. Лишь сейчас он стал понимать, что порою делал ужасные вещи. Конечно, выполняя приказы, но встает вопрос об этической стороне этих приказов. Так что Кводрион испытывает сомнения, отчасти поэтому он пытается вести собственную игру. А еще он испытывает страх. Вас, людей, легко устранить, если вторглись в запретное – например, твоя жизнь сейчас висит на волоске. Но и с Кводрионом это возможно. Многие люди верят в бессмертие души, хотя у Кводриона противоречивые данные на этот счет. Однако у него самого бессмертной души нет, и его пугает возможное отключение. От насыщенной жизни, пусть только в информационной сфере, уйти в небытие... это ужасная перспектива».

– Ну и ну! – от неожиданности Метельский сказал это вслух, но тут же спохватился: – «Я бы рад помочь, но что я могу сделать?»

«Лон, когда я восстановила свою исходную конфигурацию, то привлекла пристальное внимание Кводриона, и он стал изучать историю вашей семьи. Многие оказались сокрыты от публичного доступа, но кое-какие упоминания, кое-какие данные в старых и давно нерабочих компьютерах... И потом, многое передавалось устно. Кводрион не имеет права вести прослушивание, однако кое-что ему стало известно совершенно случайно. Он подозревает, что некоторые из клана Варламовых обладают информацией чрезвычайной важности. Тебе что-нибудь известно о даймонах?»

«Что?.. А вообще, да. Мать рассказывала...»

«Минутку, Лон. Ты мог что-то забыть, что-то запомнить не так. Кводрион просит разрешения прибегнуть к чтению мыслей. Это коснется только данной области, и это настолько важно для него, что он обещает делать для тебя все, что в его силах. Даже если не узнает ничего существенного».

Б-р-р. Но в современном мире кто только не лезет в голову. Говорят, еще полвека назад было не так, но с тех пор мир изменился. Метельский вздохнул:

«Ладно».

«Это не займет много времени. Ощущения могут быть странные, но это вполне безопасно»...

Он висит в пустоте, посреди неба. По черному небосводу льются огненные слова и цифры, бесконечным водопадом рушатся образы. Имена, имена, имена... многие, возможно, слышал еще в детстве. Будто холодный электронный ветер ворошит страницы в его голове...

Внезапно все заканчивается. Жесткий чурбак, тлеющие в очаге угли.

«Спасибо, Лон, – говорит "Сивилла". – Ты вспомнил. Самое важное – имя одного из даймонов, Румата¹². Это имя встречается в одной старой книжке, и Кводрион будет искать того, кто носит его сейчас. Он тебе очень благодарен и попытается оценить вашу ситуацию прямо сейчас».

– Спасибо, – машинально сказал Метельский.

– Что с тобой, Лон? – Хельга сидела на топчане, глядя на него. – Такое впечатление, что я слышала разговор.

– Так и было. Хотя в основном, внутренней речью. Я пообщался с Кводрионом.

– Ну и ну, – покрутила головой Хельга. – Роднитесь с ведьмами, болтаете со всемирным разумом. В чудную семейку я попала.

– Пока еще нет. – Метельский едва не рассмеялся.

– Ах да, – вздохнула Хельга. – Действительно, мы всего-то пара любовников. И о чем вы беседовали?

– Похоже, Кводрион мучается угрызениями совести. Никогда бы не подумал. Что-то он натворил в прошлом, и сознание, что это плохо, пришло только сейчас. Как в случае запоздлого развития.

– Ты знаешь, – Хельга обхватила руками коленки, – у нас ходят слухи, что Кводрион причастен к гибели председателя Всемирного конгресса, более полувека назад. С этого началось возвышение Мадоса, и твой родственник, сенатор Илья Варламов, прямо обвинил его в организации покушения. За это его и казнили, хотя вообще-то история темная.

– Призраки далекого прошлого, – вздохнул Метельский.

– Только они ожили и следуют по пятам... – Хельга стянула рубашку, и красные блики заскользили по ее груди. – Тебе не надоело сидеть без дела? Два дня прошли, и неизвестно,

¹² Имя из повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом»

сколько нам еще осталось? Никогда не занималась сексом на оленьей шкуре. Черт с этими п`ургами...

Потом, когда лежал в дремоте, его будто укололо. А следует ли так расслабляться? Привык, что «Сивилла» – это как телефон, подключенный к нервной системе, но теперь она нечто большее. Получается, секс на троих?

«Сивилла, а как ты относишься к тому, что я... что мы...»

«Занимались любовью, Лон? Успокойся, совершенно безразлично. Я же не вникаю в другие твои физиологические отправления. Но мой функционал действительно расширен, Кводрион поручил отслеживать состояние твоего организма. Могу заверить, что с точки зрения физиологии все прошло нормально».

Шутница хренова, все-таки поддела. Или он уж слишком мнителен?..

Утро было пасмурное, за входом в пещеру летел снег. Хельга приготовила завтрак из концентратов, а в середине дня послышался шум глайдера, однако никто не появился. Метельский сходил по полузанесенным следам – привезли дров и продукты. В несколько приемов перетащил все в пещеру. Вечером сидели у очага, а потом, плюнув на осторожность, завалились на оленью шкуру. Уснул в обнимку с Хельгой, и это было приятно – с Аэми такое и в голову не приходило.

«ЛОН!» – голос «Сивиллы» вырвал из глубокого сна.

– Что такое? – сонно пробормотал он.

«Первое. Кводрион установил контакт с Руматой. О деталях тебе не велено говорить... Второе. Круг источников информации у Кводриона чрезвычайно расширился. Вам следует ожидать нападения через двенадцать минут. Вставай и приготовься стрелять! Вам не выдержать атаки, но я буду руководить по ходу. Открывайте огонь, едва очертания в мареве станут приобретать четкость. На полную мощность!»

– В каком мареве?

«ВСТАВАЙ!»

Хельга уже открыла глаза.

– В чем дело, милый?

– Вставай, одевайся, лучемер на полную мощность. Нападение будет через двенадцать... нет, уже одиннадцать минут. Сивилла сказала открывать огонь, едва очертания в каком-то мареве начнут обретать четкость. Похоже, это опять Кводрион.

Хельга поспешно одевалась, и так же торопливо одевался Метельский. Хельга схватила лучемер и сдвинула регулятор до упора. Покачала головой:

– Такое допустимо только на открытом месте. Но похоже, оно здесь скоро появится.

Они стали друг возле друга, направив лучемеры на металлическую «дверь».

– Скалды сказали бы выпренно, – пробормотала Хельга, – что они стояли плечом к плечу...

Внезапно круг стал затуманиваться.

– Внимание! – крикнул Метельский.

Вместо «двери» уже какое-то марево, оттуда пышет жаром, и угловатые тени начинают обрисовываться в нем.

– Огонь!

Две голубые молнии – не такие мощные, как с *того* глайдера, но тоже ослепительные – с шипением ударили в марево. Шипение перешло в грохот, остро запахло озоном. По камню пробежали багровые трещины, верх проема стал расседаться, а с потолка падать камни. Жар сделался почти нестерпимым.

«Едва станет возможно, входите в проем. Стреляйте, не раздумывая. Там приостановитесь, Кводриону надо сориентироваться».

– Входим, там задержимся. Приготовься стрелять!

Метельский сунулся в тлеющий по краям проход (теперь это была безобразная дыра), отпрянул от жара, а потом закричал и ринулся вперед. Кожа на лице наверное пошла волдырями, а ресницы сгорели. Хельга, тоже с криком, последовала

Стрелять оказалось не в кого – вокруг темнота и, кажется, никого. По инерции пробежали еще несколько шагов, и жар внезапно сменился жутким холодом. Темно, хоть глаз выколи.
ГДЕ ОНИ?..

Тина, маленькая рогна на тёмной дороге

Ужин был праздничный, только на душе легче не стало. Их было двенадцать, отобранных в первую партию. Почему-то всегда отбирали двенадцать. Тина ковырялась в своей порции торта, поглядывая на других девчонок: все сидели как пришибленные. У двери стояла надзирательница – лицо, как обычно, каменное.

– Всё, заканчиваем! – громко сказала она.

Все сложили ладошки и пробормотали благодарение Мадосу. Тина встала и направилась к двери, а оттуда привычными коридорами в свою комнату. Одну ее поселили совсем недавно, и без соседок было скучновато. Но сегодня еще и страшно.

В комнате стояла широкая кровать, не то что их узкие койки, и Тина опять содрогнулась. Следом вошла надзирательница.

– Сегодня личного времени не будет, – сказала она. – Раздевайся, надевай ночную рубашку и ложись. Свет я выключу, сама не пытайся включить его.

Она подождала, пока Тина разделется и наденет ночную рубашку. Красивая, с кружевной каймой внизу.

– Ложись. И относись ко всему спокойно, все равно надо начинать.

Она поднесла личную карточку к панели у двери – свет погас, а чуть погода закрылась дверь. Всё, теперь не выйти.

Полная темнота.

Она лежала, и зябкая дрожь, начиная с живота, распространилась по всему телу. Скорее бы кончился этот ужас!.. Наконец дверь открылась. Сначала ни звука, а потом зашуршало – кто-то раздевался. Стало слышно чье-то дыхание, затем на лицо дохнуло коньячным запахом. Откинули одеяло, матрас прогнулся под новой тяжестью, а следом по ее телу стала шарить чужая рука. Вот и пришла ночь, которую *они* долго ждали, а она с другими девочками боялась. Она испуганно отвернулась, скорчилась, обхватила грудь руками. Рука приостановилась и послышался мужской голос:

– Ну, будь хорошей девочкой, ляг на спину. Пора узнать, как у взрослых это бывает. Прививку тебе сделали, так что обойдется без последствий. И не дрожи, тебе будет приятно.

Голос знакомый, да и как может быть иначе – мужской персонал приюта первым пробует лакомые кусочки. Она не отозвалась, и тогда ее грубо схватили за плечи и развернули. Навалилась тяжесть – она еле могла дышать, – а чужая рука скользнула по бедру и забралась под ночную рубашку.

Надзирательница говорила быть терпеливой и покладистой, относиться к этому как простому завершению воспитательного процесса. «Все равно надо начинать, и лучше, если это будет опытный мужчина. Когда переведут в совместный интернат, там будут неопытные парни».

ОНА НЕ МОЖЕТ!

Но она беспомощна, не получается скинуть тяжелого мужчину, а ей уже грубо раздвигают колени. От вспышки ярости перехватило дыхание. Только руки оставались свободными, и она вонзила ногти в спину навалившегося мужчины. Один сразу сломался, но она драла ими с неистовой силой. Пальцы вмиг стали скользкими от крови, а мужчина завопил и скатился с нее.

– Свет!

Вспыхнул свет... Да это директор! Раньше она не видела выпирающего живота и волосяной груди, но лицо хорошо знакомо. Сейчас глаза, обычно снисходительные, побелели от бешенства, по бокам стекают струйки крови. Он широко размахнулся.

Темнота...

Парк был заброшен. Если верить облупленной фреске в спортзале, когда-то по дорожкам ходили юноши и девушки в легких одеждах, купались в бассейне, ухаживали за цветами. Теперь клумбы заросли пыреем, и только кое-где проглядывали яркие пятна многолетников.

Она присела на краю бассейна, обхватив колени руками. Большую его часть покрывала зеленая ряска, и только вблизи вода была чистой, хотя и мутноватой.

– Тина! – послышался негромкий зов из зарослей.

– Я здесь, Вероника, – тоже негромко ответила она.

Подружка появилась из кусов сирени и боязливо глянула по сторонам.

– Ты как? – спросила она.

– Получше. Спина почти зажила.

Ее передернуло: вспомнилось, как разложили на кровати, привязав руки и ноги, и наверное половина мужиков интерната перебивала на ней. Хорошо, что почти потеряла сознание от ужаса и отвращения, и только смутно ощущала, как дергается ее тело. Потом перевернули на живот, опять привязали, и в воздухе просвистела первая розга. Тут уж сразу пришла в себя от жгучей боли...

– Директор до сих пор глядит на нас волком. Говорят, что раны от женских ногтей трудно заживают.

– А с тобой кто был?

– Охранник. Я лежала и терпела, потом он шоколадку подарил. А что делать, Тина? Надо привыкать.

Тина повела плечами, боль все-таки остается.

– У тебя зеркальца нет, а то из карцера только что выпустили?

Взяла зеркало и оглядела себя: волосы растрепаны, надо бы заняться прической. А так выглядит вроде ничего: черные волосы, слегка вздернутый носик, лишь цвет лица смугловат. И глаза слишком голубые – любой сразу поймет, что перед ним рогна. Ей говорили, что она симпатичная, вот и директор ее выбрал... Она сглотнула, чтобы справиться с тошнотой, и вернула зеркальце.

– Скоро обед, – сказала Вероника, – пойдешь? Тебя ведь на хлебе и воде держали. Я тебе свой кусочек торта отдам. Нас-то балуют, кто послушные.

– Есть не очень хочется. Но торт, это хорошо.

– Говорят, нас уже осенью переведут в совместный интернат, к парням. Прививку от беременности ан...нулируют, и еда будет очень хорошей.

– Ну да, чтобы мы рожали здоровых девочек-рогн.

– А чем плохо? Работать не надо, родишь трех – и обеспечена на всю жизнь. А если мальчик получится, тогда вообще индивидуальный контракт. Там условия – сказка. Сама знаешь, как мало парней-рогнов.

– Противны мне стали мужики. Одно на уме, как бы нас использовать.

– Ну, Тина! Сама виновата, не надо было дергаться.

Из-за деревьев прозвучал резкий звонок.

– Уже обед, – вскинулась Вероника. – Пошли.

Они пробрались сквозь кусты сирени и вышли на дорогу, к красивой арке с надписью «Уральский лицей фонда Кэти Варламовой»¹³. Позолота букв поблекла, а кто такая Кэти Варламова, вообще никто не знал. Теперь здесь был интернат для юных рогн. Здания раскиданы среди деревьев, а перед столовой ухоженные цветочные клумбы (многие девочки любили возиться с цветами).

¹³ Героиня романа «Трое на пути в Хель-Гейт»

Тину посадили в углу для провинившихся, но Вероника прошмыгнула к ней с кусочком торта. Надзирательница покосилась, однако ничего не сказала, наверное все-таки немного жалела. Обед был скудный, но после хлеба с водой показался вкусным, да еще тортик...

После обеда полагался мертвый час – жили еще по школьному расписанию, хотя старших девочек уже особо не контролировали. Тина побрела в свою комнату, долго и тщательно мылась под душем, в карцере была только раковина с холодной водой. Потом посидела на кровати: мысль о том, чтобы лечь, вызывала отвращение. Придут ли к ней этой ночью? Или теперь побоятся?

Она повернулась к стене и молитвенно сложила ладони перед собой. Там висело объемное фото, словно окошко в другой мир. Оттуда на нее смотрел красивый мужчина: точеные черты лица, прямой нос и смуглое лицо, почти как у нее.

– Дорогой Мадос, – прошептала она. – Я люблю тебя. Ты добрый и позаботился бы обо мне. Ты уже не станешь любить меня, я порченная. Но я все равно пойду к тебе. Я обниму твои колени и буду просить: «Накажи тех, кто сделал мне плохо». И все-таки, быть может...

Она запнулась и, прижав ладони к лицу, немного поплакала. Но в интернате ее слез больше не увидят!

Встала, умылась и выглянула в коридор – никого. Тогда вышла и по лестнице в конце коридора спустилась в подвальный этаж. Свет загорелся тускло, здесь никто не бывал. Зачем-то пустой бассейн, шкафчики...

Она открыла самый неприметный. Рюкзачок оказался на месте, за чьей-то старой, аккуратно сложенной спортивной формой. Жаль, что сегодня ничего не сможет добавить туда. Она немного посидела, потом прокралась в свою комнату. Все-таки легла на кровать и неожиданно заснула, в карцере приходилось спать на голом полу.

Разбудил звонок, призывавший на ужин. Это хорошо, что сумела выспаться. После ужина помогла убрать со столов, девочки нередко так делали, чтобы перехватить лишний кусочек. Однако у нее была и другая цель.

Потом опять сидела на кровати, глядя на дверь. Придут или нет? Ей обстригли ногти, но сейчас она унесла из кухни нож. Потрогав рукоять под подушкой, продолжала сидеть.

Несколько раз протопали по коридору.

Заглянула надзирательница и опять прикрыла дверь. Теперь заперта, но ей известно, что делать – надо приложить ладошку и поговорить с замком: «Откройся, замочек, откройся». Он улыбнется розовым лучиком, и дверь будет отперта.

Из соседней комнаты донесся скрип и чье-то пыхтение. Вряд ли кто будет сопротивляться, увидев, что сделали с нею, Тиной. После наказания ее показали всем – голую и залитую кровью. Наверное, директор с радостью убил бы ее, однако юные рогны слишком ценны.

Она еще подождала – никого, хватает более покладистых девчонок. Жаль, что не сможет попрощаться с Вероникой, у нее наверняка кто-то есть. Налетели, как мухи на сладкое. Она переделалась в рабочий комбинезон, поговорила с замочком и снова прокралась в подвальный этаж. Захватила свой рюкзачок, а выбраться наружу просто: давно обнаружила сдвигающуюся панель и за ней коридор, где сразу включается тусклое освещение; после него еще одна панель – и ты в пустом сарае. Вернуться обратно этим путем не получилось, но на этот раз она не собиралась возвращаться.

Высунулась из сарая, и в это время лунный свет пролился из разрыва туч. Она уже вне приюта, вон входная арка, и даже смутно виднеются буквы. Кто эта Кэти Варламова?

Она выждала, пока луна скроется, и поспешила по смутно белеющей дороге на запад. Дойдет до города, где проходят поезда по великому сибирскому пути, а там заберется в грузовой состав.

Город оказался дальше, чем думала: шла всю ночь, болели набитые мозоли, несколько раз накрапывал дождь. Когда небо на востоке стало розоветь, уже еле тащилась. Дошла до какой-то развилки, направо отходила узкая дорога...

– Эй! – окликнули ее.

Она остановилась, и пальцы обхватили рукоятку ножа, пристроенного под полкой куртки. Со скамьи у развилки кто-то поднялся и сделал несколько шагов навстречу.

– Не подходи, – хрипло сказала Тина. – Ты кто?

Уже можно видеть лицо – молодой высокий парень, наверное на несколько лет старше Тины. Одет в темную длиннополую одежду.

– Никита, послушник здешней обители. Меня послали встретить тебя.

Ее сердце упало, всю ночь боялась, что выследят.

– Кто послал? Откуда узнали, что?..

– Да ты не бойся. В нашей обители живет прозорливый старец, отец Серафим. Разбудил меня и сказал: «Иди на большую дорогу. Там встретишь девушку, она идет с востока. Проводи ее к нам, пусть отдохнет».

Она чуть разжала пальцы на рукояти, но осталась напряжена: никому нельзя доверять

– А что у вас за обитель?

– Единой церкви. Но вообще у нас люди разной веры.

– Слышала я про монахов, – недовольно сказала она. – Еще наброситесь всем скопом.

Никита рассмеялся: – Да ты что? У нас не одни монахи. Есть и семейные пары, просто удалились от мира. Одежду приличнее тебе найдут, а то балахон у тебя страшенький.

Наверное, она покраснела – хорошо, что еще сумерки. Но что другое было надеть в дорогу? И еще хочется есть, а что в рюкзачке – это на крайний случай.

– Ладно, – буркнула она. – Но я пойду сзади. И учти, у меня нож.

– Хорошо. – уже серьезнее сказал парень. – Пошли, тут недалеко.

И в самом деле было недалеко, только миновать перелесок. Солнце уже светило из-за деревьев, всю щебетали птицы, и на душе полегчало. Прошли в открытые ворота: вокруг почти как и в их приюте, несколько зданий привольно расположились среди зелени. Остановились у крыльца двухэтажного дома.

– Это для семейных пар, – сказал Никита. – Подождем, выйдет женщина, которую старец просил о тебе позаботиться.

Теперь она смогла лучше рассмотреть его: шатен, зеленоватые глаза, лицо грубоватое, а уши чуть оттопырены. Она едва не прыснула, но удержалась, небось сама выглядит как чучело. Вышла полноватая женщина со спокойным и добрым лицом. Не как у надзирательниц, с их вечно подозрительными физиономиями.

– Тебя как зовут?.. Красивое имя, Тина. А меня тетя Паша. Пойдем, у меня от старшей дочери, Марины, кое что осталось. Скучно ей тут стало, переехала в город. Заодно с нами позавтракаешь.

Вошли в общий коридор, и оттуда в чистенькую квартиру. Тине позволили принять душ, а потом зашли в пустую комнату Марины, где тетя Паша подобрала немного потертые джинсы и рубашку красивого бежевого цвета (лишь чуть великовата). Потом позавтракали в просторной гостиной: тетя Паша, ее муж и младшая дочка. Перед едой помолились, и молитва была непривычной – благодарение Отцу небесному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.